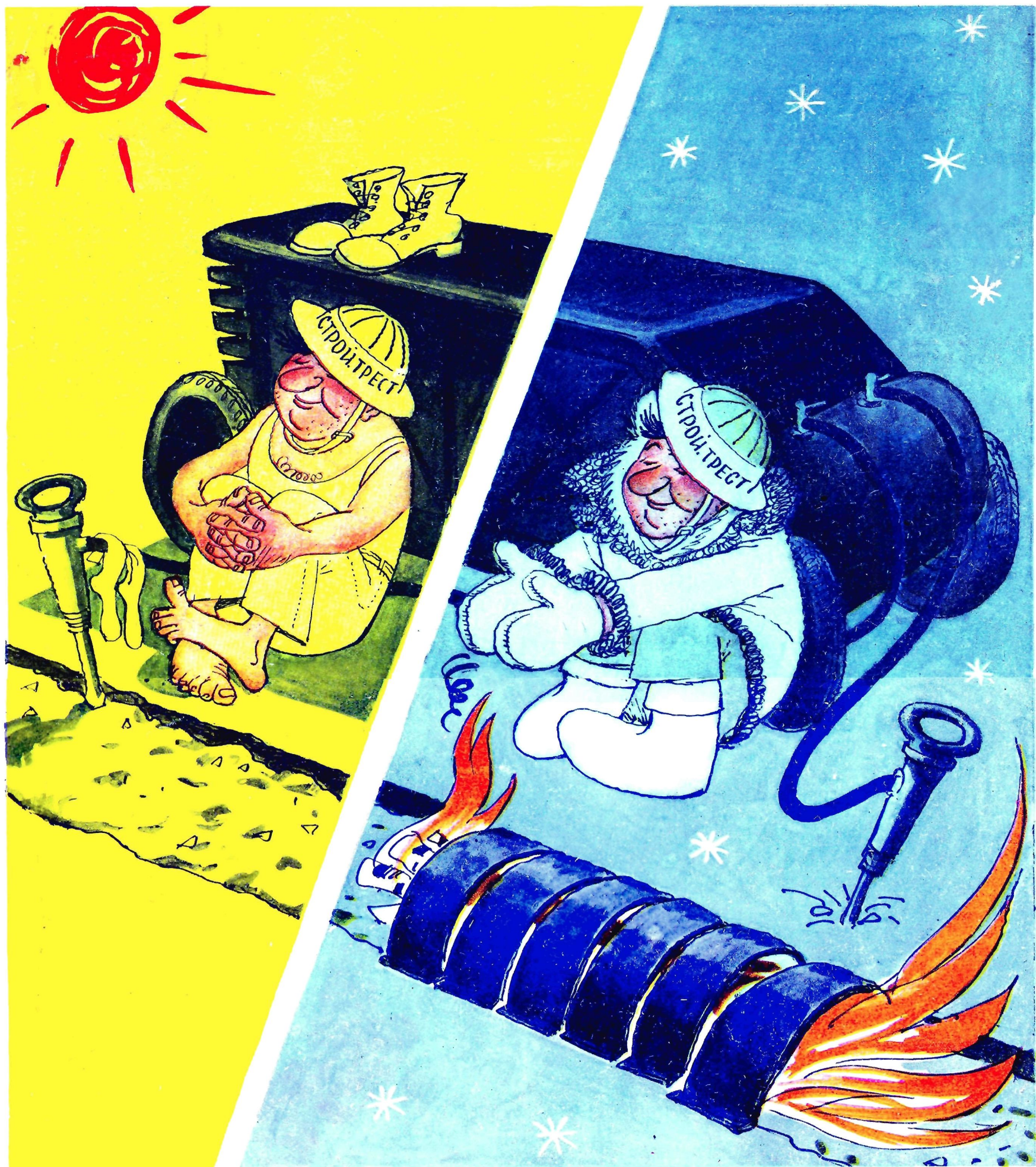

ЛЕТОМ С ПРОХЛАДЦЕЙ, ЗАТО ЗИМОЙ С ОГОНЬКОМ...

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

ВИТРИНЫ ПЕРВЫХ ЭТАЖЕЙ

Сверкают окна новоселов
К восторгу горделивых жен —
И каждый весел, счастлив,

молод,
Но каждый чем-то
раздражен.

Чем!
Тем, что здесь, в районе
новом,

Нет магазинов, мастерских,
Нет кафетерия, столовой.
Нет булочной, молочной —
Словом,
Торговых точек никаких.
Тоскливо!
Посудите сами:
Здесь восемь месяцев уже
Забиты наглухо досками
Витрины первых этажей!

Но вот мужей и жен
печальных

Созвали.
Все пришли на зов.
И заявил райторгначальник:
— Друзья, заверить вас готов,
Что будет все:
«Консервы», «Ткани»,
«Мороженое и пломбир».
Предусмотрели в нашем

плане
Мы даже малый «Детский
мир».

Да,— продолжал он с
увлечением,—
Откроют скоро двери вам
«Кефир и сыр», «Хлеб и
печенье»,
«Пальто» с «Плащами»

пополам.
А рядышком с «Галантереей»,
Напротив «Соков, вод и вин»,
Мы разместим — и поскорее! —
Комиссионный магазин.
Уютный ресторан откроем
И «Гастроном» наискосок,
«Колбасы», «Книжки»,
«Чай», «Обои» —

Все будет,
Дайте только срок!

И срок пришел.
Как на смотрины,
Народ на улицу спешит:
До блеска вымыты витрины,
Но у витрин престранный вид:
Там, где планировались

«Моды»,
Трещат машинки райсовода,
Где намечался ресторан —
Райстатбюро, райздрав,

райплан.
А вместо «Хлеба и печенья» —
Районный трест хлебопеченья.
А место «Соков, вод и вин»
Облюбовал себе райфин,
Отдел культуры с пылу-жару
Освоил полки «Культоваров»,
А там, где ждали «Трикотаж»,
Засел надолго арбитраж,
И рядом вывески горят:
Всех райкомиссий

пестрый ряд!
Что ж, магазин комиссионный
Вместил столы комиссий оных!
Толпа мужей и жен

печальных
К райторгначальнику спешит.
Но где же, где
райторгначальник?
Он, сохраняя гордый вид,
Уже переселился срочно,
Обосновался в «Шляпах».
Прочно!

ПРОШУ ЛЮБИТЬ И ЖАЛОВАТЬ

Мне позвонил Крокодил:
— Вы руководили семинаром юмора и сатиры на
московском совещании молодых литераторов?

На всякий случай я поспешил перестраховаться:
— Да, не только я, но и В. Ардов, В. Санин,
С. Шатров. Все мы занимались с молодежью...

— Вот и отлично. Я заинтересовался семинаристами
и решил притянуть их на свои страницы.

— Боже мой, за что?

— По-видимому, за то, что они осмелились сту-
пить на чреватую опасностями сатирическую стезю.
Пусть познакомят читателя со своим творчеством.
Это интересно и для них и для меня. Вот я и решил
перетащить всех до одного на свои страницы. А вас
прошу представить молодых юмористов моим чита-
телям.

Когда Крокодил о чем-нибудь просит, выход один:
исполнить его просьбу. Тем более такую приятную.

Думается, нет нужды представлять Р. КИРЕЕВА,
А. МОРАЛЕВИЧА и Е. МАТВЕЕВА. Эта троица —
фельетонисты-крокодилы, крокодилский читатель
хорошо знает их по многим фельетонам.

В. КАШАЕВ пишет короткие юмористические рас-
сказы, публикуя их на страницах московских газет
и журналов. Поучительность его сюжетов, надо по-
лагать, объясняется тем, что он в прошлом учитель,
преподаватель физики.

А эксцентрическая энергия сжатых и смешных
рассказов А. КУЧАЕВА невольно заставляет вспоми-
нать его бывшую профессию инженера-энергетика.

Вл. ВЛАДИН — пародист, сотрудник Клуба 12 стуль-

ев «Литературной газеты». На стул пародиста он пе-
ресел, покинув стул (и стол) сотрудника одного из
московских научно-исследовательских институтов. Я
не знаю, как к этой пересадке относятся коллеги
Вл. Владина по институту. Что касается его новых
друзей по сатире и юмору, то они довольны.

Тридцатилетний А. РЫБАКОВ изучал в универси-
тете историю, а закончив курс исторических наук,
стал сочинять юмористические рассказы на совре-
менные темы. За это он ответит в свое время перед
судом истории и — хочу надеяться! — выиграет этот
процесс.

Н. БУЛГАКОВУ двадцать лет, он студент факуль-
тета журналистики МГУ. Внимательный крокодил-
ский читатель, наверное, помнит его как Колю Бул-
гакова, ученика 9-го класса, сотрудника «Зубастика»,
автора забавных рассказиков на школьные те-
мы. Коля Булгаков подрос, стал Николаем, но не
исправился: продолжает расти как юморист и са-
тирик.

А. ИНИН и Л. ОСАДЧУК пишут свои рассказы
вдвоем, продолжая давно возникшую в нашем юмо-
ре традицию. В Харькове молодые юмористы вы-
пустили свою первую книгу. Теперь А. Инин живет
в Москве, он окончил ВГИК, а Л. Осадчук остался
в том же Харькове. Тем не менее их творческое со-
дружество продолжается.

Итак, прошу читателей Крокодила любить и жало-
вать молодых московских сатириков и юмористов.
Они очень нуждаются в вашем одобрении и в ва-
шей моральной поддержке.

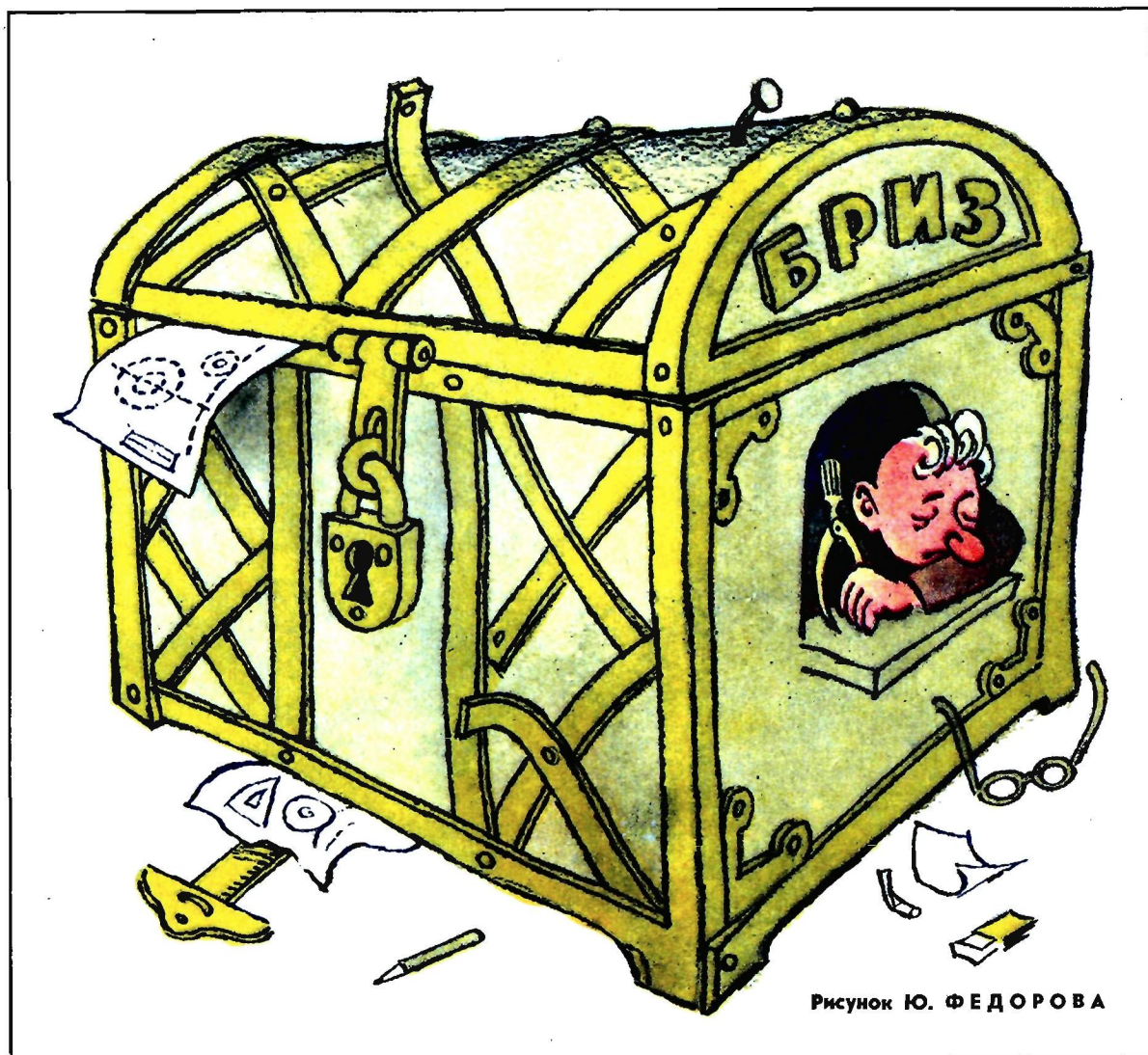

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

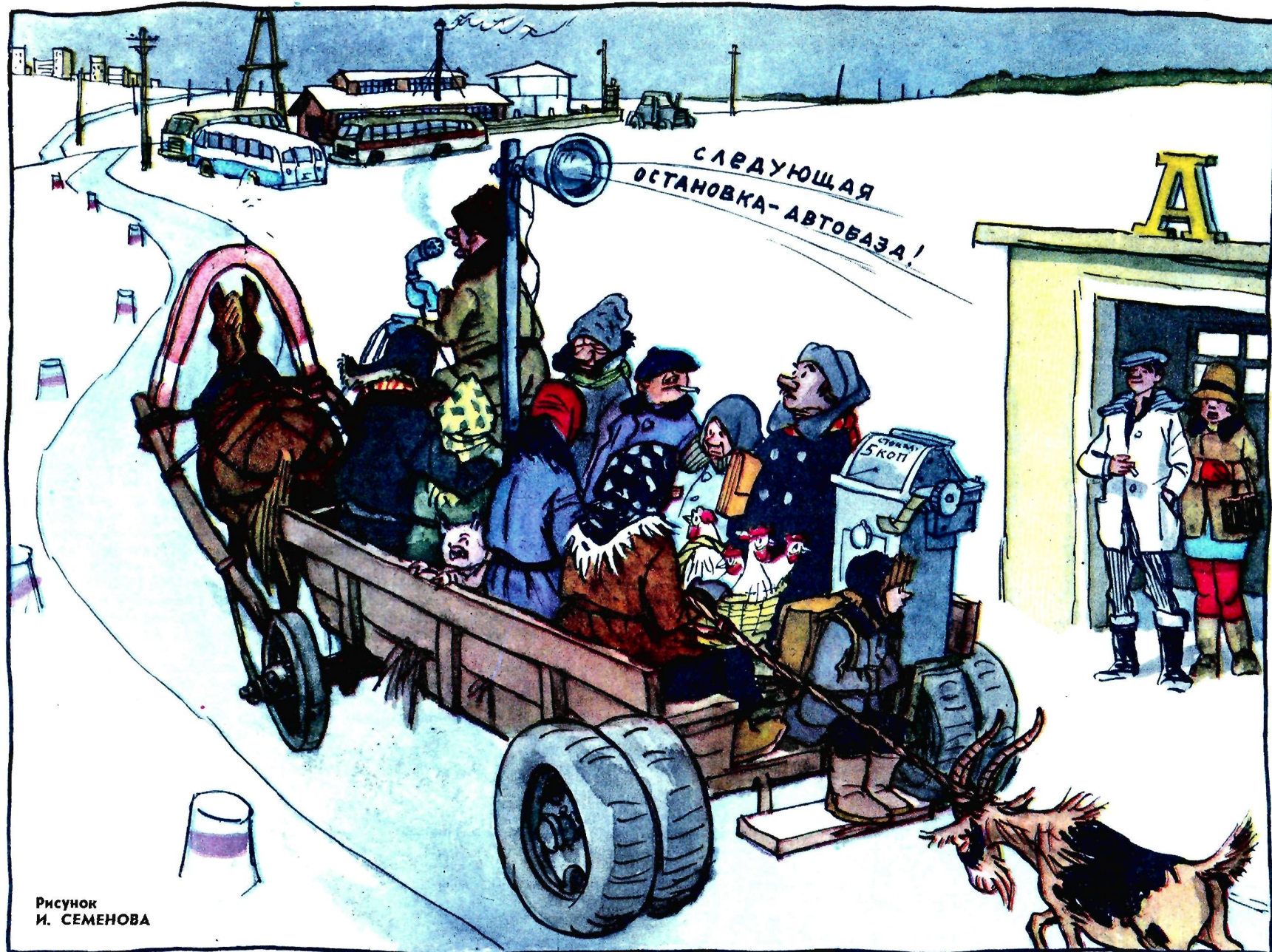

Рисунок
И. СЕМЕНОВА

А. ВИХРЕВ

ПОБЛИЖЕ К ПРОГРЕССУ

Чумацкие возы поскрипывали на ухабах. Резво катились конки. Почтовые кареты взвизгивали рессорами...

Но это все было движение без ускорения. Тягловой силе природа поставила предел скорости.

Моторы же на испытательных стендах можно доводить до критических содроганий. Отсюда — ускорения. И уже к фантастическим, скопированным с рыбы иглы, электропоездам и суперавтомобилям прилепываются страховочные закрылки — попрыгать к земле рожденных ползать, не дать им воспарить к облакам.

Впрочем, такие крайности наблюдаются пока только на переднем крае технического прогресса. Рядовой трудяга-трамвай по-прежнему не вправе развешиваться до ураганной скорости, так же как и добродушному автобусу не дано достичь быстроты передвижения тайфуна.

Между тем весьма и весьма не терпится быть поближе к упомянутому переднему краю прогресса. Чтобы с веком наравне, ноздря в ноздю с эпохой... Конкретнее — как бы это прищипорить трамвай, подхлестнуть автобус.

Вообще позывы непредвзятые, не закон природы, его можно и улучшить. Однако же, понятно, не за счет ускорения. Ускорение может обернуться дорожным происшествием и притом не обязательно пустяковым.

Но ведь есть, есть же выход! И сов-

сем нестрашный. Что? Угадали. Надо ликвидировать часть остановок — вот скорость сама собой и повысится.

К такому именно умозаключению пришли любители прогресса из Краснодарского горисполкома. И для начала упразднили сразу 23 трамвайных, троллейбусных и автобусных остановки.

За всякой акцией такого рода неизбежно следует общественный резонанс. Выглянув поутру в окно и не заметив привычной остановки, горожанин может поступить двояко: то ли позвонить в исполком и срывающимся от радости голосом поблагодарить за то, что наконец-то исполнилась мечта его жизни, то ли, напротив, круто придвинуть к себе чернильницу и единым духом написать туда же суровую жалобу.

Краснодарцы избрали второй вариант. В горисполком пошли письма, преисполненные недоумения и смущения, за подписями чуть ли не целых микрорайонов. Например.

«При выезде на работу мы садилась в трамвай на остановке «Площадь» и выходила на остановке «Кл. Цеткин». Теперь эти остановки сократили, и мы вынуждены затрачивать на дорогу лишние 15 минут, то есть добираться на работу 55 минут вместо прежних 40, — ведь многие из нас живут за километр от трамвайной линии». (Более ста подписей.)

Но чеканная поступь прогресса не отворачивает. И начальник горупрком-

хоза И. Корганов терпеливо, по-отечески растолковывает непонятливый, что «восстановление трамвайных остановок «Площадь» и «Кл. Цеткин» нецелесообразно», поскольку сокращение остановок произведено «с целью повышения скорости сообщения подвижного состава», наковое мероприятие «направлено на улучшение обслуживания населения городским пассажирским транспортом».

Мы понимаем, канним исполнским усилием воли тов. Корганов подавляет раздражение. Для них же, неразумных, стараясь, тащить их поближе к быстротходной современности, а они же еще и ерешаются.

Не меньше возмущается про себя и председатель исполкома города Абаза, что в Красноярском крае, тов. М. Юрьев. Геологи, понимаете ли, сами же, так сказать, передовой отряд, а тоже воруют носы от бодрящего дуновения прогресса.

А дело такое. В 1967 году на окраине Абазы раскинула свои шатры Абаканская геологоразведочная партия. Сразу договорились с исполкомом: сюда будут ходить автобусы. Поселок геологов ширился и года через два обзавелся даже собственной начальной школой, куда, кстати, ходят в основном ребяташки из города.

Раньше-то они в школу ездили, поскольку автобусный маршрут заканчивался как раз у школы. Езды, правда, и сейчас, только примерно с километр не доезжают: тут автобус уже поворачивает обратно, и ребята, по-

еживаясь от сибирского мороза, подогреваемого напористым ветром, добирался до школы пешочком.

Зато имеются налицо бесспорные 10 (десять) секунд чистого времени, сэкономленных в среднем на каждую остановку. Что составляет в сумме аж две минуты экономии на каждый автобусный маршрут. Отчего, в свою очередь, за смену выигрывается целый рейс. Такой вот передовой почин проклюнулся в скромном городе Абаза.

Однако от этого почина произошло недовольство в умах граждан, чьи малыши теперь топают по морозу.

— Пускай брюзжат, — бестрепетно отрубил тов. Юрьев, узнав о недовольстве. — Время — это фактор. За отвоёванные секунды будем бороться!

Конечно, хотелось бы вернуть, что такая борьба не ведется во вред гражданам. Что самые простые доводы здравого рассудка без промедления вразумят ревнителей минутного прогресса. И что не сегодня-завтра все образуется.

В конце концов мы ведь не менее рьяные поборники прогресса, чем товарищи Корганов, Юрьев и другие. Мы не менее терпеливы, чем они, ждем появления сверхскоростных экипажей на наших транспортных артериях. И только одно опасение несколько охлаждает нас: как бы и тогда не сыскались сообразительные экономай, которые жаждут выиграть лишнюю секунду любой ценой. Даже ценой попрания здравого смысла.

Хочется обратиться к читателю с несколько прямолинейным вопросом: с чего начинается творчество?

Если верить младому поэту, с зефира, шелестящего в розах, с волнительного коктейля из соловьиных рулад и прочей лирической мелочи.

Если послушать маститого скульптора, с водружения мраморной глыбы на паркете мастерской, а затем отсечения от этой глыбы всего лишнего.

Если положиться на наблюдения нашего приятеля, есть, оказывается, в запасе и третий вариант: творчество начинается с выхода отдельных товарищей на руководящую орбиту. Нет, никто не собирается делать обобщений. Просто приятель подметил, что один индивидуум открыл в себе талант романиста точно с той минуты, как был назначен хозяйственным руководителем издательства, а другой ошеломил общественность сочинением колыбельных песенок, едва взял в руки кормило музыкального учреждения.

Здесь нет ничего ненатурального. По-видимому, дремавшие доселе таланты сразу же расцвели махровым цветом, оказавшись на хорошо удобренной почве.

Впрочем, материя эта столь тонкая, что хотелось бы отослать читателя к более осведомленным специалистам. Мы же собираемся приковать внимание к тому моменту, когда в Азербайджанский Дом народного творчества явился начальник одного из управлений республиканского министерства финансов.

Понятно, в бухгалтерии поднялся легкий переполюх. И хотя главбух не чуяла за собой грехов, она тут же потянулась за пузырьком с валерьянкой. Представьте себе сами: по гулким коридорам ДНТ вышагивал не какой-нибудь ординарный ревизор с арифмометром под мышкой, а сам Рустам Алекперович Бабаханов.

Однако на этот раз он обошел кассовый сейф и направился прямо к директору. После длительного ритуала, состоявшего из приветствий и чаепития, начальник управления сострадательно заметил, что самодеятельные музы нуждаются в поддержке: Директор дома запальчиво подтвердил, что да, нуждаются.

— Ну что ж, я лично позабочусь о субсидиях, — заметил начальник управления, давая понять, что пора снова перейти к ритуалу, состоящему из благодарностей и чаепития.

И вот где-то между пятой чашкой и седьмым бутербродом Бабаханов молвил, что он собирается областить самодеятельных муз не только материально, но и творчески. Кстати, здесь, в его портфеле, оказалась небольшая пьеса, созданная по прямому велению сердца.

Директор торопливо пробежал руководящую драматургию и слегка пошатнулся, но, вспомнив об обещанных субсидиях, постарался сохранить самообладание.

— Так где здесь у вас бухгалтерия? — деловито спросил Бабаханов. Видимо, помимо симпатий чисто творческого порядка, у него пробудился интерес и к финансовому аспекту драматического искусства. Во всяком случае, он пообещал в ближайшее время наведаться с новой пьесой.

Тем временем старший сотрудник ДНТ внимательно внедрил в пьесу и тоже пошатнулся.

— Да надо платить не автору, а тем, кто сумеет все это дочитать до конца!

— Вы что же, — мерцающим голосом сказал директор, — хотите, чтобы он из нас кишмиш сделал?! Мобилизуем самого закаленного редактора. Уломаем клубы. Глядишь, кто-нибудь и заслужит премии...

Однако, несмотря на обычный репертуарный голод, постановщиков долгое время сыскать не удавалось. Но это не обескураживало автора. С горячностью одержимого творчеством человека он поставил все новые и новые свои произведения. Разумеется, Бабаханов требовал от других взаимности. Когда однажды произошла заминка с вы-

И. АЛЛАХВЕРДИЕВ, Я. ПОЛИЩУК, специальные корреспонденты Крокодила

платой гонорара, начальник управления посулил прислать внеплановую ревизию. И хотя главбух по-прежнему не чуяла за собой грехов, она опять потянулась за валерьянкой.

Надо ли описывать, какой вздох облегчения пронесся по гулким коридорам ДНТ, когда стало известно, что Бабаханов ушел из министерства финансов? Впрочем, этот вздох быстро перерос в шквальную панику: пришла депеша, что Бабаханов перебрался из министерства финансов на пост заместителя министра культуры.

— Амба! — гробовым голосом произнес директор дома. — Ждите теперь собрания сочинений...

Не прошло и квартала, как новый зам. министра потребовал директора ДНТ к себе — ему теперь было как-то неловко спускаться в низовую инстанцию. Состоялся примерно такой диалог:

— В свое время я дал вам пьесу «Гоншу»...

— Да, помнится, мы за нее заплатили семьсот рублей.

— Фи! — с роскошной небрежностью отмахнулся зам. министра. — Вспомните лучше, что в ней говорилось о пережитках старого. А потом я принес пьесу «Слава»...

— Да, помнится, мы за нее дали пятьсот рублей.

— Что это вы все время сбиваетесь с искусства на деньги?

— Я просто думаю об искусстве, которое требует жертв.

— Кого вы имеете в виду? — с подозрением спросил зам. министра. — Впрочем, вернемся к нашей «Славе». Итак, в ней говорилось о ростках нового. Прочувств свое предыдущее творчество, я решил подняться на более высокую ступень. Вот, извольте, новая пьеса «Мы возвращаемся на родину». Здесь уже с пережитками старого борются ростки нового. Впечатляющий трехактный конфликт!

— Если конфликт впечатляет, — лакированным голосом сказал директор, — почему бы его не предложить профессиональной сцене?

— Профессиональная сцена подчиняется другому закону, — быстро отпарировал Бабаханов, давая понять, что пути для отступления отрезаны.

— Сколько? — пролепетал директор.

— Две тысячи.

— Слушаюсь и повинуюсь, — потерянно сказал директор, прикидывая в уме кассовую наличность.

Может статься, что кое-кто из читателей, пробежав эти строки, негодующе обрушится на директора Дома народного творчества. Дескать, что

это за мягкотелость у руководителя местных самодеятельных муз? Все правильно. И мягкотелость есть, и бесхребетность имеется. Но скажите, уважаемые негодующие читатели, у многих ли достанет твердости духа не спасовать перед лицом вышестоящих дарований? Так что не будем судить слишком строго, тем более что в конце концов и наш директор проявил известное мужество.

Дотошно изучив новую пьесу, директор успокоился. От впечатляющего трехактного конфликта на него повеяло чем-то очень знакомым. После тягостного раздумья пьеса была послана экспертам. И через несколько дней в ДНТ пришло письмо, подтверждавшее худшие опасения директора.

«...Предложенная вначале как одноактная пьеса под названием «Слава», она вторично представлена Дому народного творчества под новым громким названием «Мы возвращаемся на родину», хотя автор добавил три ничего не значащих для сюжета образа и искусственно расширил пьесу до трех действий... Поступки героев повисают в воздухе, тема решена поверхностно, ряд образов схематичен и неоригинален...»

— Так вот что он имел в виду под борьбой нового со старым! — догадливо вскричал директор. Собрав остатки мужества, он набросал автору письмо. Оно выглядело несколько суховато для взаимоотношений между двумя творческими личностями. Но, может быть, когда дело касается наличных, допустим и некоторый бюрократизм...

«Экспертиза установила, что пьеса «Мы возвращаемся на родину» является повторением пьесы «Слава» с увеличением объема... Изменив название пьесы, Вы фактически ввели нас в заблуждение. Однако за вышеуказанные пьесы Вы получили авторский гонорар как за оригинальные произведения. Республиканский Дом народного творчества предлагает внести 2 200 рублей, полученные Вами за пьесу «Мы возвращаемся на родину», в госбюджет и просит сообщить нам дату и номер документа о погашении задолженности».

— Так что он сказал в ответ? — поинтересовались мы у директора ДНТ, когда узнали об этом впечатляющем конфликте.

— Пообещал прислать внеплановую ревизию... Главбух, можно сказать, на одной валерьянке держится...

Тогда мы решили справиться о дате и номере сами. Рустам Алекперович Бабаханов удостоил нас подобающим ритуалом, состоявшим из приветствий и чаепития. Где-то между третьей чашкой и пятым бутербродом он заговорил о многогранности своей натуры. И хотя изъяснялся он несколько туманно, но основная мысль, в общем, доходила.

— Как бывший финансист, я хотел бы подчеркнуть, что совершенно лишено корысти. В моей биографии зафиксирован случай, когда я написал слова для праздничного марша абсолютно бесплатно...

— Потрясающе! Ну, а как же с возвращением денег?

— Как бывший издательский деятель, должен пояснить, что каждый автор имеет право на дополненное и исправленное издание своего произведения. Даже эти злонамеренные эксперты подтверждают, что я ввел в пьесу новые образы.

— Но ведь пьеса-то неоригинальна.

— Как неоригинальна? Вы только взгляните — какие образы! Какая глубокая идея! Один мой сотрудник даже прослезился: «До вас, почтенный Рустам Алекперович, таких публицистических высот достигал разве только Константин Симонов!» И в конце концов как зам. министра культуры я имею моральную основу для творчества?

Что тут спорить? Конечно, имеет. Но не подорвал ли Бабаханов эту самую моральную основу тем, что рассматривает подвествомственных муз как близких приятельниц, а государственную казну — как собственный лицевой счет?

ХРОНИКА ВЕСЕЛОГО ЦЕХА

ГУРТОМ...

На Украине молвится: «Гуртом из злого батька побить можно». Вот, наверное, почему и объединились одиннадцать молодых украинских сатириков и юмористов, чтобы побить карьериста и пролазу, псевдонатора и зажимщика иритики... Объединились и выпустили в ижевском издательстве «Радянський письменник» сборник поэтических миниатюр под названием «Смешини».

С некоторыми молодыми авторами читатели знакомы

по «Перцу» и «Крокодилу», иные выступают как дебютанты, но хочется перечислить все одиннадцать фамилий: А. Гарматов, Г. Зрало, В. Иващенко, В. Кравчук, П. Ларин, В. Левицкий, Б. Мироненко, В. Оверчук, И. Сичовин и Д. Солодкий, А. Торлюн.

«ДОМ НАЧИНАЕТСЯ С ПОРОГА...»

У Шамирзы Шаалимовича был очень серьезный недостаток: во сне он храпел. Храпел ужасно, словно

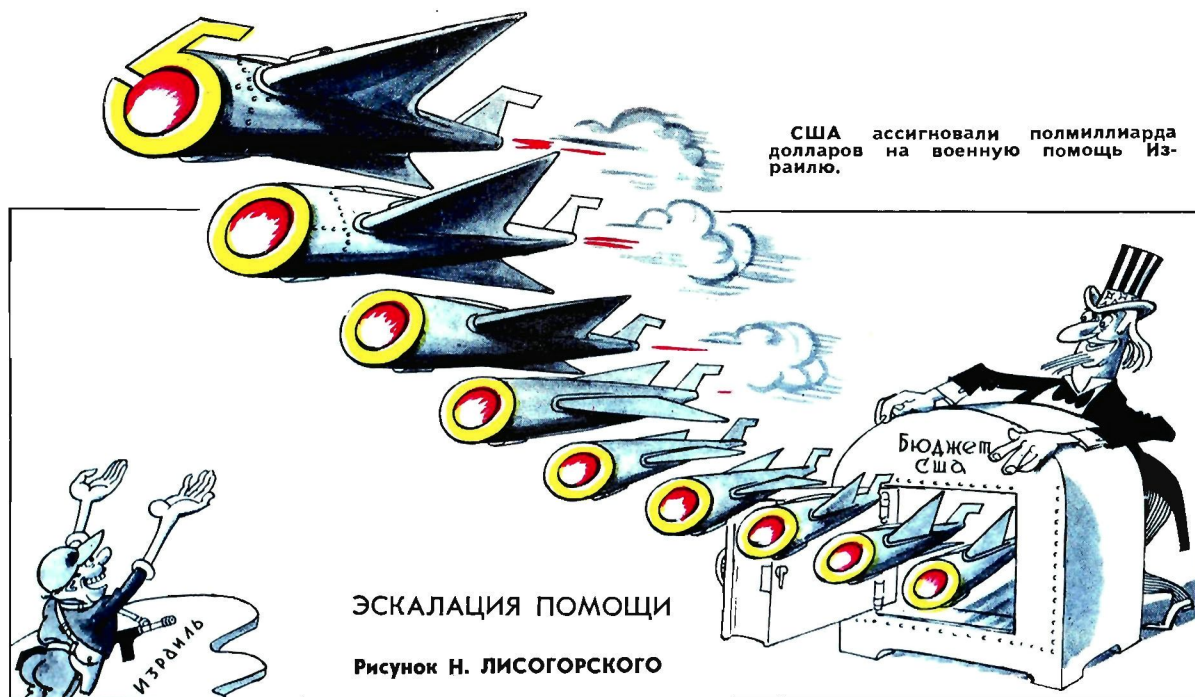
дюжина лесопилон. От этого умопомрачительного храпа сам Шамирза Шаалимович просыпался в холодном поту. Однажды какой-то заезжий человек, неосторожно остановившись в одном номере гостиницы вместе с Шамирзой Шаалимовичем, стал под утро закатываться.

Всю жизнь Шамирза Шаалимович стыдился этого своего недостатка. А сейчас возманило. Дело в том, что он ненавидел своего помощника Турдыбена и жаждал хоть как-то доставить ему неприятность.

И вот Шамирзу осенила

идея: он возьмет своего помощника с собой в командировку, остановится с ним в одном номере... Адские муки, если только они существуют, ничто в сравнении с тем, что уготовано помощнику!

Ну, а что произошло дальше, вы узнаете, прочитав рассказ «Стальная воля», который вошел в новую книжку писателя-сатирика Самига Абдулхакхара «Дом начинается с порога...». Сборник вышел в Узбекском издательстве литературы и искусства имени Гафура Гуляма.

Н. ЛАБКОВСКИЙ

ВОЙНА В АРМИИ

Репортер американской армейской газеты «Старс энд страйпс» стоял перед шеф-редактором по стойке «смирно» и шмыгал носом. Шеф читал его репортаж.

— У вас насморк? — мрачно спросил шеф, не отрываясь от рукописи.

— Никак нет!

Репортер шмыгнул.

— Ага, теперь я знаю, почему вы нервничаете, — ехидно сказал шеф. — Если бы я написал подобную околесицу, я бы тоже, наверное, зашмыгал. Что это такое?

— Репортаж о положении в наших воинских соединениях. Беспристрастное изложение событий.

— А кому она нужна, эта ваша беспристрастность?! — Редактор газеты «Старс энд страйпс» принялся читать вслух:

«Обстановка в нашей стовосьмидесятитысячной армии, расквартированной в Западной Германии, чрезвычайно серьезная. Задача экспертов — дать беспристрастную картину положения...»

Шеф поднял налитые кровью глаза на не в меру честного автора.

— Экспертов? — жестко сказал он. — Вы еще хотите наклепать к нам экспертов?

Репортер шмыгнул носом.

— Молчите? Передо мной вы молчаливец, а здесь, — шеф потряс рукописью, — здесь вы выбалтываете секреты нашей доблестной армии: «Безупречная репутация Седьмой армии оказалась подмоченной расовыми беспорядками. Некоторые из них вылились в кровавые столкновения между белыми и неграми. В Швайнфурте группа солдат-негров заставила местные власти освободить из-под ареста негров-военнослужащих, задержанных незаконно. Негры жалуются на оскорбления со стороны белых военных полицейских и угрозы унтер-офицеров, заявляющих с издевкой: «А подай-ка мне нигера!» На днях вблизи казарм в городе Мангейме был обнаружен горящий крест на манер ку-клукс-клановского. Подобные инциденты имели место еще на двух базах... А на крупной базе в Хейлбронне под толстым слоем льда был обнаружен труп негра-капрала. Негры жалуются на отсутствие продвижения по службе. Они утверждают, что негры имеют

больше шансов отправиться во Вьетнам, чем белые...»

Шеф оторвал тяжелый взгляд от рукописи.

— Хватит! Откуда вы все это взяли?

— Из донесений командиров частей. Это все факты.

Шеф презрительно оглядел подчиненного.

— Факты! Есть только один неопровержимый факт. Это то, что вы даете пищу коммунистической пропаганде.

Репортер быстро зашмыгал носом. Склонившись над рукописью, шеф развинтил самопишущую ручку.

— Посмотрите, как это делается, это вам пригодится в будущем. Всюду вычеркиваем черных, и вопрос о расовых конфликтах снимается сам собой.

Шеф быстро расправился с рукописью и самодовольно прочитал:

«Безупречная репутация Седьмой армии оказалась подмоченной беспорядками. Некоторые из них вылились в кровавые столкновения. В Швайнфурте группа солдат заставила местные власти освободить из-под ареста военнослужащих. Солдаты жалуются на оскорбления со стороны военных полицейских и угрозы унтер-офицеров. На крупной базе в Хейлбронне под толстым слоем льда был обнаружен труп капрала. Солдаты жалуются на отсутствие продвижения по службе. Они утверждают, что имеют все больше шансов отправиться во Вьетнам... Ну вот, теперь чудненько. Сдаю в набор!»

Репортер от восторга перестал шмыгать носом.

На следующий день солдаты передавали газету из рук в руки.

А в это самое время шеф-редактор газеты стоял по стойке «смирно» перед высшим начальством армии. Начальство потрясало газетой и стучало кулаками по столу.

Высшее начальство имело причины сокрушаться. Расовые беспорядки в армии — это еще куда ни шло. Такое в Пентагоне как-нибудь снесут, привыкли, слава богу. Но беспорядки вообще, в которых участвует вся армия...

Редактор молчал и только шмыгал носом...

ЛЮССХАЙМ (ФРГ). В местной газете «Люсхаймер нахрихтен» под рубрикой «Церковные сообщения» опубликована благодарность «пастора Швальне всем дамам и господам, кои при сборе пожертвований проявили щедрость». Тем же, кто «злонамеренно ничего не дал», добрый пастор пожелал, чтобы «головы их были полны вшей, а руки были бы слишком коротки, чтобы чесаться».

ТЕЛЬ-АВИВ. Аксель Цезарь Шпрингер, известный западногерманский издатель, не перестающий вести «крестовый поход против коммунизма» и помогавший некогда Гитлеру уничтожить печатным словом «большевинов и евреев», избран почетным членом Вейцмановского института в Реховоате. Так израильские власти отметили его «положительное отношение к еврейскому народу и государству».

ЕСЛИ БЫ
ФОТО
ЗАГОВОРИЛО...

На снимке из журнала «Тайм»: американский безработный подает заявление с просьбой о назначении пособия.

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

МЕДИЦИНСКАЯ
ЭМБЛЕМА
ПО-АМЕРИКАНСКИ

Вл. МИТРОФАНОВ

БАВАРСКИЙ БРАКОНЬЕР

В этот вечер в мюнхенской пивной «Хохбройхауз» было как никогда шумно. Бывшие фашисты, а ныне члены национал-демократической партии праздновали успех Франца Иозефа Штрауса на земельных выборах в Баварии.

— Зиг хайль! Хайль Штраус! Нам нужен такой человек! — неслось под сводами пивной.

Взопревшие хрюки с челками «а-ля фюрер» горланили нацистские песни, стучали кружками, сталкивались потными лбами.

А что же он, их кумир? О, он держался так, словно спертый дух пивнушек претил ему. Вот дословно его высказывание:

— Я увлекаюсь альпинизмом и охотой. По воскресеньям меня тянет на лоно природы.

Всего двумя штрихами набросал человек свой портрет, а как красиво! Перед нами румяный друг невинных наслаждений и зеленых насаждений. Остается лишь уточнить, на какие вершины карабкается Франц Иозеф Штраус, кого он держит на мушке и какова природа той природы, куда так тянет лидера баварского «христианско-социального союза».

Штраус действительно увлекается охотой и считается неплохим стрелком. Но пока что ему дьявольски не везет. Вот уже почти двадцать лет безуспешно выслеживает он заветное четвероногое, имя которому — кресло канцлера. Вершина, куда взбирается Штраус, — канцлерский дворец Шаумбург в Бонне.

Погоню за богатым трофеем Штраус ведет с помощью своих друзей из баварской партии ХСС. Нужно отдать им должное — они ретиво выполняют обязанности егерей, загонщиков и собак.

Иногда Штраус откладывает винчестер и берется за лопату. Недавно, например, он вырыл большую ловушку, прикрыл ее хрустящими западногерманскими марками и, затаив дыхание, залег в кустах. Хитроумный Штраус задумал подкупить депутата правительственной партии Гельднера, переманить его на сторону ХСС и свалить таким образом правительство Брандта. За переход в ХСС Гельднеру было обещано 400 тысяч марок наличными. И не только. Неумный охотник, забыв об осторожности, выдал Гельднеру собственноручно подписанный документ, гарантирующий ему место в бундестаге следующего созыва.

Но на этот раз в ловушку попался (не рой яму другому!) сам Штраус. Гельднер оказался подсадной уткой. Переговоры со Штраусом он вел с ведома руководства своей партии. О штраусовских происках прознала пресса, и Франц Иозеф схлопотал заряд газетной соли в ягодицы.

Желанное недостижимое четвероногое в который раз ушло из-под носа, прогарцевало на точеных ножках, изогнув кокетливо спинку.

А впрочем, какие пустяки! Так, заурядный случай на охоте. Когда Штрауса в бытность его министром обороны изобличили как взяточника, шуму и газетной пальбы было не меньше. Так что ему не впервой. И вообще о каком таком канцлерском кресле идет речь?

— Мысль о том, что я могу быть избранным на этот пост, вызывает у меня внутренний ужас... Лучше я буду выращивать ананасы на Аляске, чем стану федеральным канцлером в Бонне. Мои интересы стали гораздо более человеческими.

Так заявил Штраус, и голос его звучал сладко и мирно, словно манок, коим приманивают дичь. Однако охотники отличаются адским терпением, чего нельзя сказать о Штраусе. Он то и дело срывается.

Отбросив в сторону сладкозвучный манок, он выпрыгивает из засады и визжит, как раненый кабан:

— Я сживу со света того, кто попытается помешать мне прийти к власти!

Это тоже подлинные слова Штрауса.

Итак, с одной стороны, перед нами кроткий садовод-селекционер, весь в мечтах о морозостойчивых ананасах, с другой — безжалостный горлохвост, готовый идти по трупам к своей цели. Какими же принципами все-таки руководствуется герр Франц Иозеф Штраус?

Для охоты на крупную дичь нужна, конечно, приманка. Штраус это знает. И он вытащил на свет затасканный лозунг антикоммунизма. Авось, клюнет!

— Тень Москвы над Европой становится более длинной, — зловеще шепчет Штраус, страшая западных немцев. Он возглавил все темные силы ФРГ, выступающие против договора между Советским Союзом и ФРГ.

Подняв палец вверх, Штраус многозначительно изрек:

— Для Советского Союза этот договор является орудием диктата...

Не подумайте, однако, что сам охотник, альпинист и специалист по ананасам отворачивается от Востока и даже глядеть в нашу сторону не желает. Нет, отчего же? У него есть свой собственный план установления контактов с Востоком.

— Надо найти такую форму сближения, — публично рассуждает Франц Иозеф, — с помощью которой можно было бы ослабить изнутри и сломить также изнутри мирными средствами международную организацию коммунистической империи.

Всего лишь...

Когда идет гон, собаки залиисто брешут — это любой загонщик подтвердит. Штраусова охота за канцлерским креслом проходит под визгливый, оглушительный аккомпанемент. Громче всех лает сам главный охотник — он успешно совмещает профессии загонщика и гончей.

Штраус обвинил правительство Брандта в том, что оно якобы «предает немецкие интересы». Штраус приписывает правительству Брандта сознательный курс «на создание в Германии социалистического строя, чтобы сделать ФРГ социалистическим ядром социалистического сообщества государств в Европе».

Так охотник за креслом канцлера, озлобленный неудачными попытками добыть желанный трофей, превратился в опасного браконьера.

Его антикоммунистические приманки сделали свое дело. На любимый, волнующий запах к Штраусу потянулась свора реваншистов всех оттенков коричневой масти — так называемая внепарламентская оппозиция. Во всех десяти землях ФРГ народились «кружки друзей христианско-социального союза».

Парламентская оппозиция, ведомая Штраусом, и внепарламентская оппозиция во главе с Адольфом фон Тадден жадно обнюхали друг друга и, ко взаимному удовлетворению, снюхались. Их роднит неприязнь не только к коммунизму, но даже к буржуазной демократии.

— Я хочу свободы, справедливости и благополучия для немецкого народа, даже если этого придется добиваться с автоматом в руках! — рычит Штраус.

Сомнений нет — мы слышим типично нацистскую демагогию. И, естественно, фюрер неонацистов Адольф фон Тадден радостно откликается:

— Если сегодня нам еще трудно заключить со Штраусом союз в масштабах всей Федеративной республики, то в Баварии, как я надеюсь, это скоро станет возможным.

А Штраус и не думает отрешиваться от дружбы с таким матерым ловчим, как фюрер НДП.

— Меня никогда не интересовало, пользуется ли фон Тадден зубной щеткой, чтобы потом из-за этого отказаться от ее применения, — заявил Штраус в интервью журналу «Шпигель». — Мы будем стремиться привлечь на свою сторону часть избирателей НДП.

Да что уж там зубная щетка! Штраус и Тадден готовы одной сапожной щеткой глянцевать кованые сапоги и одним гребнем начесывать на лоб косую прядку...

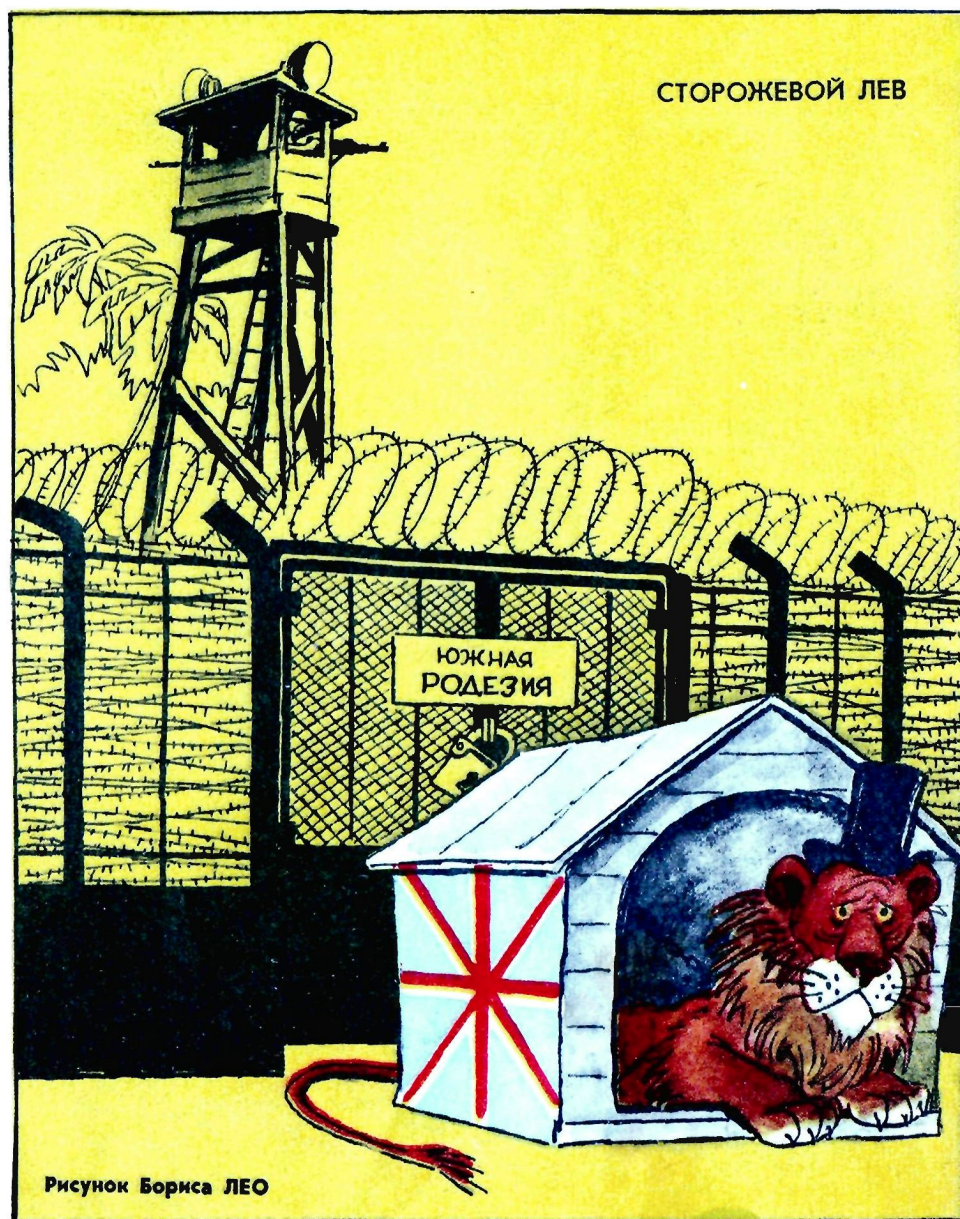
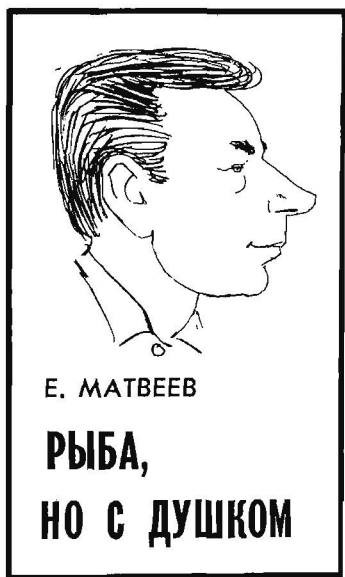

Рисунок Бориса ЛЕО

— Значит, так, — сказал я продавщице. — Мне, это самое, рыбки мне бы, но только, это самое, не свежей, а, наоборот, с душком как бы... Есть такая?

— Шутить дома надо! — сказала мне продавщица. — Говорите побыстрее, что вам нужно!

— Тухлую рыбу.

— Так-так, — посмотрела мне в глаза продавщица. — Ага. — И, обернувшись, покликнула: — Кузьма Эдуардович!

Ей-богу, так и покликнула: «Кузьма Эдуардович!» Видимо, заведующего.

«При таком-то имени-отчестве — с усами, небось!» — подумал я про него, но, однако, ошибочно. Без усов пришел покликанный Кузьма Эдуардович, а продавщица сказала про меня так:

— Вот, Кузьма Эдуардович, к вам пришли.

— Ничуть, — возразил я. — Не к нему я пришел, а, наоборот, к вам и прошу у вас несвежую рыбу.

— Так-так, — сказал на это и Кузьма Эдуардович. — А вы, товарищ, откуда?

— В Балаклаве я родился, — сказал я ему.

— Говорит, будто мы подпорченную рыбу подсовываем покупателям, — возвела на меня нарасплину продавщица.

На это мы с Кузьмой Эдуардовичем прямо-таки воедино отреагировали.

— Ну что вы! — сказал я продавщице. — И вовсе вы не подсовываете!

— Ну что вы! — сказал Кузьма Эдуардович мне. — И вовсе мы не подсовываем!

— Вот я и говорю: не подсовываете, — сказал я им обоим.

— Довольно препираться! — сказала нам троем женщина, стоящая позади меня в очереди.

— Действительно! — поддержали в очереди. — Не мешайте стоять в очереди!

— Да я ничего, — сказал я. — Берите пока что...

И пока дама выбирала крупную селедку, Кузьма Эдуардович признался мне:

— Тогда я не понимаю, зачем вам несвежая рыба.

— Да так, — объяснил я. — У меня дома медвежонок, а

ихнему брату возьми да подай полупротухшую рыбу. С душком, в общем.

— А зачем вам медведь? — спросил Кузьма Эдуардович.

— Не медведь, а, наоборот, медвежонок, — поправил я.

— А если вырастет?

— Тогда будет есть совсем много совсем протухшей рыбы, — пошутил я для Кузьмы Эдуардовича.

— И зачем людям медведи? — не дошла до него шутка.

Но теперь я не успел его поправить в том смысле, что это не медведь, а медвежонок, потому что дама с селедкой сказала мне:

— Вы что же, думаете, без вашего медведя...

— Медвежонок, — успел я поправить даму.

— ...что без вашего медведя, — стояла на своем дама, — магазин не знал бы, кому сплавить тухлятину?!

— Без намеков, пожалуйста! — сказал ей Кузьма Эдуардович. — Оснований не имеете!

Мне бы наплевать на их дальнейший разговор, а я, дурак, не наплевал, прислушался. А в это время продавщица вместо меня следующим покупателем занялась, железнодорожником каким-то... А ко мне еще, плюс ко всему, привязался некто приземистый.

— Почем за медведя платил? — спросил он, назвав меня другом.

Мне бы тут и на него наплевать, да я опять не наплевал.

— Сам, — сказал я ему, — поймал. Еще медвежонок.

— А пополам не желаете? — сказал он тогда.

— Как? — не сразу понял я. — Кого пополам?

— Бутылку же.

Хотел я ему было соврать, что, мол, непьющий я, но тут отоварившийся, в свою очередь, железнодорожник, в свою же очередь, и о медведях забеседовал.

Он, видите ли, при себе ружье возит, и однажды, видите ли, их поезд остановился на разъезде. А тут тебе тайга. Медведи тут. Ну, один возьми да и выйди зачем-то к поезду. Ну, а железнодорожник этот возьми да и — бац! медведя напал. Шкуру с него — долой, тушу — в вагон-ресторан, а там не берут. Как оформлять — не знают. Медвежья, говорят, эта ваша услуга.

— Долговато вы что-то на разъезде застряли, — усомнился я на это.

— Да семафор! — махнул рукой железнодорожник. — Ну его!.. Совсем красный горел... А вообще-то вы своего медведя в зоопарк сдайте...

— Рублей тридцать дадут, — поддержал его приземистый друг, желавший пополам. — А может, и не дадут.

— Рыбу они действительно едят, — сказал железнодорожник, — а потом сами рыбой воюют.

— Ну, так как насчет этого? — напомнил друг, указав в сторону шутного отдела.

— Отойдите от прилавка! —

прикрикнула тогда продавщица. — На троих соображать дома надо!

— Значит, ты с нами? — спросил друг у железнодорожника.

— Полтинник только остался, — пожалел себя железнодорожник.

— А я непьющий, — наконец-то соврал я.

— А вот как раз старшина идет! — злорадно сказала продавщица.

— В чем дело? — неохотно подошел милиционер с авоськой.

Я объяснил, а друг с железнодорожником удалились.

— На вашем месте я бы завел собаку, — посоветовал милиционер.

— Овчарку, что ли?

— На вашем месте я бы завел боксера. Исклчительно умное животное. Только вот соседи могут проявить недовольство. Зачем, могут спросить, вам собака.

— Действительно, — сказал я. — Зачем мне собака?

— А медведь зачем?

— Не медведь, а, наоборот, медвежонок. Ну, он у меня для красоты, в случае чего...

— Вот в случае чего мы вас и оштрафуем, — пообещал милиционер. Хорошо еще — адрес не спросил.

А с рыбой теперь так получилось. Народ в очереди уж сменился, и очередь сразу же запротестовала: «Куда без очереди!»

— Да я уже стоял, — пояснил я этим людям. — Спросите продавщицу!

Но меня не она выручила, а Кузьма Эдуардович, снова появившийся у прилавка.

— Вы еще здесь? — удивился он. — Я вам вот что посоветую. Раз вам нужна рыба несвежая, вы возьмите свежей и испортите ее. Я вам подскажу, как это делается...

— Дело нехитрое, — сказал я. — Но мне бы прямо сегодня хотелось...

— Очень нехитрое, — поддержал Кузьма Эдуардович. — Полежит в тепле денек три-четыре... Любочка, завесьте товарищу тресочки!..

И Любочка завесила мне тресочки.

И домой пошел.

У выхода тот самый друг остановил меня и спросил:

— Друг, а тебе шиферу не надо?

После чего я уж совсем домой пошел.

Ладно, думаю. Бог с ним, думаю. Подожду, думаю, денек три-четыре. Не я то есть, подожду, а медведь мой, медвежонок мой, то есть. Пусть пока сгущенку лопают.

А придя домой, я заперся в ванной и написал письмо приятелям, которые мне его ко дню рождения подсунили. Просил увести его обратно в Якутию, а то из-за него столько разговоров, что даже вон и в магазин как следует не сходишь. И даже письма не напишешь, не упрятавшись от его заигрываний.

Написал, вылез из ванной, сходил на улицу и в ящик письмо опустил.

Да, а тресочка та как раз несвежей и оказалась...

На скамейке городского парка молодой человек по имени Игорь объяснялся в любви девушке по имени Светлана.

— Смотрите, Игорь, звезда упала, — сказала Светлана.

— Гм, — кашлянул в кулак Игорь, — строго говоря, звезды не падают. Я читал статью в научно-популярном журнале, и там говорится, что это не звезды, а метеориты. Пролетая земную атмосферу, они...

— Ну почему вы всегда такой скучный? — не выдержала Светлана. — Я, кстати, уже заранее знаю, как вы меня поздравите с днем рождения.

— Как? — машинально спросил он.

— А так! «Уважаемая Светлана! Поздравляю вас с заслуженным юбилеем. Желаю и впредь с чувством высокой ответственности нести свои обязанности по выполнению долга как в семье, так и в служебной обстановке...»

— А разве это плохо?

— Да неплохо, но... Вы знаете, кстати, что мне вчера сказал Вася? Он мне сказал: «Светлана, в этот праздничный день я подарю вам полмира!»

— Гм, — пробормотал Игорь, — некоторые люди готовы дарить то, что им не принадлежит...

— Ах так! — воскликнула она. — Тогда знайте: с Васей мне интересней! А вы черствый сухарь и навсегда им останетесь! Романтики в вас ни на грош! — Она вскочила и побежала по аллее.

— Куда же вы? — крикнул он ей вслед. — Это неправда насчет романтики! Я... Я еще какой романтик! Гораздо романтичнее Васи!

— Да? — Она остановилась и истительно улыбнулась. — А Вася еще обещал мне подарить скатерть-самобранку...

— Как? — опешил Игорь. — Но это же несерьезно. Таких не бывает...

— А Вася сказал, что из-под земли достанет... — Она пожала плечами и убежала.

Игорь еще долго сидел на скамейке, кашлял в кулак и осмысливал случившееся. Потом наконец встал и твердо сказал:

— Хорошо! Я достану эту скатерть! Я докажу, что тоже... тоже... — Он решительно двинулся в путь.

Прошло две недели. Все это время об Игоре никто ничего не слышал. Но в день рождения Светланы Игорь появился небритый, с оторванным рукавом и в тапочках на босу ногу. Он торжественно вытащил из-за пазухи заветную скатерть.

— Как?! — ахнула Светлана. — Неужели достали? В самом деле? — Она внимательно посмотрела на него и виновато сказала: — Бедный мой, сколько вам пришлось вынести...

— Это неважно, — мужественно потупился он, — зато я исполнил ваше желание. Получайте самобранку...

«Вот она, сила любви! — восторженно подумала Светлана. — Самого закоренелого рационалиста, нудного сухаря сделала романтиком!»

— Разверните же скатерть, — сказал переродившийся от любви сухарь, — закажите ей что-нибудь и хлопните в ладоши. Тут же все исполнится. Ну, чего вы хотите?

— Да что-нибудь праздничное. Чтоб соответствовало сегодняшнему дню. — Светлана нерешительно развернула самобранку и хлопнула в ладоши.

И чудо свершилось. Откуда ни возьмись на скатерти появились графин с водой, стакан, карандаш, председательский колокольчик, и нудным, скрипучим голосом самобранка произнесла:

— Начинаем заседание, посвященное юбилею человека, с чувством высокой ответственности несущего свои обязанности по выполнению долга как в семье, так и в служебной обстановке...

Вл. ВЛАДИН

ПИВО С СИРОПОМ

Пародия
на фантазмагорический рассказ

С некоторых пор я начал замечать, что мои часы идут в обратную сторону. Но сначала следует оговориться: друзья, просто знакомые, близкие и дальние родственники — буквально все считают меня смешным чудачком.

Так вот: у меня испортились часы. И я понес их чинить. В часовую мастерскую — подчеркиваю, в часовую, — это очень важно для дальнейшего повествования. Да, я забыл предупредить: в рассказе все от начала до конца — сплошная выдумка, здесь нет ни крупицы правды, и, следовательно, он пропитан ложью, к которой я с детства не питаю отвращения.

Простите, я отвлекся.

Итак, я пошел в часовую мастерскую.

Приемщик, милый пожилой человек в шортах и с голубыми волосами, повертел часы, слегка подбросил на ладони, как бы прикидывая на вес, затем с приятной улыбкой и очень вежливо вернул мне их со словами:

— К сожалению, вынужден вас огорчить, шашлыков сегодня нет, есть только люля-кебаб...

— Позвольте, — тоже вежливо сказал я, — а при чем здесь шашлык?

— Видите ли, дело в том, что карские у нас с пяти...

— Но ведь это часовая мастерская, а не шашлычная?

— Именно. Поэтому мы можем предложить вам только люля-кебаб. Впрочем, кажется, есть еще и чахохбили...

— Разве починка часов не входит в ваши обязанности? — все еще вежливо поинтересовался я.

— Простите! Какая починка? Каких часов? Я же вам русским языком объясняю, что у нас часовая мастерская, а не кинотеатр, — начал кипятиться голубоволосый.

А сзади уже шумела очередь.

— Чудак, — говорила очередь, — смешной чудак! И к тому же он нас сильно задерживает, у нас масса других дел, вот, например, у полной женщины с рюкзаком еще не побрит муж, а у крайнего мужчины завтра приезжает племянник из Сингапура.

Нежная девушка, стоящая за мной, слегка отодвинула меня в сторонку и положила деньги на стеклянный прилавок. А я повернулся и ушел.

И захотелось мне пить, потому что стояла жара и даже в тени было много градусов. Я подошел к пивному ларьку.

— Вам с сиропом или чистой?

— Мне пива, — сказал я.

— Конечно, конечно... Вот я и спрашиваю: с каким сиропом? Есть ананасовый, есть огуречный...

— Разве пиво бывает с сиропом?

Продавщица с удивлением посмотрела на меня:

— Ну и чудак!

— Да, да, смешной чудак! — подхватила выстроившаяся очередь. Мне стало стыдно, и я ушел.

Все же мне удалось выпить чашечку пива в ближайшем газетном киоске, а потом я зашел пообедать в ресторан.

Зал был пустоват, и лишь несколько человек сидели и читали. Ко мне подошел официант и любезно спросил, что я буду читать.

— Меню, — тоже любезно ответил я.

Все засмеялись, а человек, сидящий за столиком у окна, недовольно поморщился, как будто ему помешали.

— Это остроумно, — сказал официант, — и все же, что будем читать? Есть полные собрания сочинений и большой выбор всевозможных поэтов. Только что привезли свежие рассказы молодого автора — торопитесь, а то могут разобрать.

— Спасибо, но у вас ведь ресторан, и я бы хотел поесть...

— Именно ресторан, а не консерватория! И если вы не прекратите так глупо шутить, я потребую вашу жалобную книгу!

— Чудак, — зашептали все вокруг, — смешной чудак, не мешайте нам читать, идите в свою консерваторию и ешьте там на здоровье!

И под злобный шепот я ушел.

Но и в консерватории мне не удалось пообедать — здесь проходило важное совещание.

Я потерял представление о времени, был голоден, и опять меня мучила жажда. И было мне очень грустно, и я пошел буквально куда глаза глядят. Я все шел и шел, и опять шел и шел, и вдруг очутился в реденьком липовом лесу, на полянке, посредине которой стоял троллейбус. Солнце нещадно пекло, грусть никак не проходила, и я сел в троллейбус.

— Что вам угодно? — спросил меня славный слепой старичок-водитель.

— Мне угодно салат из помидоров со сметаной, холодный красный свекольник, судак «орли», чашечку кофе и бутылку пива, — в отчаянии сказал я.

— Один момент! — невозмутимо ответил водитель троллейбуса и, наткнувшись на сиденья, ушел к себе в кабину.

Через минуту он вернулся, неся еду на подносе.

— Пиво только холодное, — как бы извиняясь, сказал старичок и при этом очень ловко, как зрячий, начал ставить блюда мне на колени.

Я быстро все съел и выпил, и стало мне хорошо. В троллейбусе же, кроме нас с водителем, никого не было, и я просто так, ну буквально просто так решил рассказать ему все: и про шашлычную-мастерскую, и про пиво с огуречным сиропом, и про читальный ресторан, посетители которого носят при себе индивидуальные жалобные книги, и про консерваторию, в которой совершенно, абсолютно совершенно нечего есть!

Казалось, старичок-водитель был поражен не менее, чем я, но он просто сказал:

— Ну и чудак! До чего же смешной чудак!

— Не верите? — спросил я. — Тогда смотрите!

И я, забыв, что собеседник слеп, вынул часы, которые по-прежнему шли в обратную сторону, и показал их ему.

— Часы как часы и идут нормально, — сказал он. — К тому же они тикают, а это — самое главное.

Я забрал у него часы и со всей силой швырнул их на пол. Но ничего не случилось. Я поднял часы, они были целы и (вы угадали!) стали идти правильно!

В троллейбус вошли люди, он тронулся, продираясь через деревья, и мой смешной чудак-водитель твердо объявил:

— Следующая остановка — площадь Маяковского.

Вот и вся история. И если кто-нибудь обвинит меня в том, что все это галиматья, я признаю правоту этого человека и сниму перед ним шляпу.

Впрочем, шляпы у меня пока нет.

Р. КИРЕЕВ

ГОЛУБЫЕ ПЕТУХИ

Жил в квартире поэт.
Днем писал, как умел,
Мадригал и сонет,
А ночами храпел.
У него был сосед,
И причем не поэт —
Счетовод он был,
Этот скучный сосед.
Он имел тихий нрав,
Был он худ и костляв.
Он поэтов не знал,
Не читал он стихов,
Но порой рисовал
Голубых петухов.
На полу и стенах
И на глади стекла...
Вся квартира была
В голубых петухах.
Раз к нему заглянул
За горчицей поэт
И, усевшись на стул,
Заявил он, что нет
Птиц на свете таких —
Петухов голубых.
«Есть! — сказал счетовод, —
В Аргентине живет
Племя дикое их —
Петухов голубых».
Усмехнулся поэт
И пошел в горсовет.
Справку дал горсовет,
Всего в несколько слов,
Что в природе, мол, нет
Голубых петухов.
Счетовод заскучал.
Потускнел счетовод.
Он не ест и не пьет
И грустит по ночам.
Всюду цифры —
таков
Стал не жил ему свет.
Всюду цифры —
и нет
Голубых петухов.

А. КУЧАЕВ

РАПОРТИЧКА

Был у меня начальник — Б. метафор. Я ему чем-то не вель, верно?

Вхожу я к нему в кабине

— Ну, чего тебе? — спраш

— Да вот, — говорю, — рап

— «Рапортичка!» — Он ме

предразнивал. — Как ты ос

своими рапортичками, разра

— Так ведь по вашему ра

— Заглохни! Тебе бы то

языи тебя в печенку!

Я, помню, в этом месте п

— Иди, чтоб проказа на в

— Как вы сказали?

— Разрази чума твою род

материнской сторон!

Я вышел, оставив рапорти

Однажды после такого

мои не выдержали. Вернулс

бочее место, где просидел

наклонился над бумагой. С

это? Попробовал пальцем н

«Ай-яй-яй!» — говорю себе.

ная мастерская как полагается, алась в полупод- помещении. Си- себе в фарту- тату сучили, мо- стучали — гвоз- ни понимаете, в — и подметки та- работали себе по ицкой части и верх на граждан ивали.

Федор, гордость бывалоча, только из-под бровей метнет, как услы- о по тротуару — тук! — барышня или дамочка в но- сапожках. Всего у-то ноги и видит, поди ты! Сразу ляет: ждите, го- ее, мошенники, две недели. И т. Хорошо душу нескую дед Фе- нимал. Ну и, ко- обувную продук- временную.

де был дед Федор ит бородою.

эта борода и по- а...

дали нам нового ника. Вошел он, о поздоровался, обещает, тру- будем. Коллек- Новое внедрять, отбрасывать. А е, говорит, техни- опасности. И сра- форточку открыл, под потолок не лся, чтобы поме- проветривалось. сразу почувство- — руководитель.

ко одна заминка. Строго новый на- к на деда Федора на бороду его. И л обиженно. А Федор задумался. пошло!.. Ремонт ения — раз; ма- механизация наре- дратвы — два; зе- чудовище, агрегат тальной вулка- и — три; упоря- не управленче- аппарата — че-

А. РЫБАКОВ

БОРОДА ДЕДА ФЕДОРА

Одно смущало. С де- дом Федором началь- ник... мучительно как-то держался. Видно было: сказать что-то хочет. И ясно было: поздно или рано скажет он свое слово.

И вот час пришел. Де- да Федора начальник в кабинет вызвал и с твер- достью заявил:

— Вы, дед Федор, на- ша гордость. Ваши под- метки, можно сказать, по всей области идут. И даже за пределы. А вот подводите вы всех нас: технику безопасно- сти не соблюдаете. Бо- рода вон у вас... Просто мистика какая-то!

Дед Федор рот рас- крыл.

— Сбрить ее надо, — говорит начальник, — а то плохой пример молоде- жи. — И стал другие вся- кие резоны приводить: — К подметке прибить бо- роду можете, или заго- рится она, когда вы, дед, у агрегата моментальной вулканизации вертеться будете. Да и гвозди в бороде затеряться мо- гут! В общем, — гово- рит, — приказать не мо- гу, но на сознательность вашу рассчитываю.

Огорчились мы все. Понимали, что дед Фе- дор лучше на пенсию уйдет, чем бородой по- жертвует. А ведь луч- ший производственник.

Только произошло та- кое, чего никто из нас и предположить не мог.

Хороший обычай ис- тари был в нашем го- роде. В самый канун Нового года — раньше на лошадях, теперь на авто — разъезжала по городу ватага Дедов Мо- розов и детишкам, чьи родители позаботились, подарки вручала.

Вот и начальник наш одного такого себе за- казал. Сынок у него рос, гордость папы и мамы.

Явился, значит, к на- чальнику Дед Мороз. Сам начальник ему дверь открыл и... немно- жечко смутился. Стоит перед ним парнишка в шубе, в шапке, с палкой да мешком, все как по- лагается. Только на лицо парнишка молодой, раз- веселый. Студент. Без бороды.

— Мистика! — гово- рит начальник. — Где бо- рода-то?

А парнишка довольно нахально в комнату прется. И развязно объ- ясняет, что начальник ихний на каких-то сове- щаниях побывал и тех- нической безопасности ув- лекся. Велел в этот год без бород и усов ез- дить, а то, не дай бог, загорятся от елочной свечи.

С иронией парнишеч- ка это все объяснил. Од-

нако начальник наш его быстро поправил:

— Правильно ваш на- чальник поступил, в но- гу со временем идет. Борода — это пережи- ток. Идите-ка, молодой человек, в соседнюю комнату, там вас сынок мой дожидается.

Двинулся парнишка со своей котомкой в сосед- ную комнату.

А сынишка его как увидел, заревел. «Это, — кричит, — не Дед Мо- роз!» — и подарки брать не желает. Мамаша его, жена начальника, крики с полчаса послушала, а потом так вроде спо- койно говорит:

— Мне чтоб немед- ленно настоящий Дед Мороз был.

А начальник, надо сказать, жену с полу- слова понимал. Похоло- дел. Заметался. И уж ко- гда совсем отчаялся, про- деда Федора вспомнил. Неизвестно, что он ему по телефону говорил. Только через короткое время собственной пер- соной дед Федор в ту- лупе и с палочкой на такси подкатил.

Сынок начальника как его увидел, так в ладо- ши захлопал:

— Дедушка Мороз приехал! Дедушка Мо- роз!

И дед Федор замеча- тельный ему подарок сделал — сапоги-ско- роходы, как у волшеб- ного Кота. Сам тачал. Сынок его отпускать не хотел, все бороду тро- гал, гладил. Маленький, а понимает, что настоя- щая.

Всей семьей деда Фе- дора провожали.

После праздников на- чальник на работу при- шел, на деда Федора не глядит. Только про- бормотал негромко:

— Ты, дед Федор, то- го... к агрегату момен- тальной вулканизации все-таки близко не под- ходи...

Н. БУЛГАКОВ

МАШИНКА

Я сидел у раскрытого по причине лета окна и печатал по причине вдохновения на машинке. Под окном остановился пожилой гражданин и некоторое время наблюдал за мной. Наконец он сказал:

— Чего это ты стучишь!

— Видите ли, — отвечал я, — я писатель.

— Ну и что, что ты писатель! — сказал гражда- нин. — Ежели ты писатель, так тебе и стучать можно!

— Видите ли, — отвечал я, — дело в том, что пишущие машинки при работе стучат.

— Ну и что, что стучат! А ты не стучи. Ежели все будут писатели и будут стучать на машинках, что получится! А! Ну вот, видишь... — сказал гра- ждаин, уверенный в том, что его вывод — сама логика. — Так что кончай стучать. Слушай, а что ты пишешь!

— Я! Рассказ.

— Так-так... Слушай, а у тебя квартплата за июнь уплачена!

— Да.

— Та-ак... Вот что, ты давай-ка подстели чего под машинку. От твоего стука кругом шум стоит.

— Хорошо, я сейчас под нее одеяло подложу, если она вам так мешает.

— Подложил! Ну-ка, постучи. Нет, все равно грохочет. Ничего у нас не вышло. Так что кончай стучать. Кончай, что ль. Я тебе говорю, кончай стучать.

— А что ты, собственно... Я же тебе в конце концов не мешаю.

— А ты мне не тычь! Понял! А то я общест- венность позову. Она тебя враз отучит рассказы стучать. И машинку твою поганую разнесет. Чтoб не стучал. А то, видите ли, он стучать хочет. Так что прекрати. А то ведь смотри, быстро досту- чился!

Вдруг все стихло. Я выпянул в окно и уви- дел уже его спину: у игроков в домино освободилось одно место, и он пошел к ним. Раздался артиллерийский гром костяшек.

Большой любитель нравился. Бывает

т.

ивает он.

портничка...

ня очень похоже

точертел мне со

изи тебя холера!

испоряжению...

лько не работать,

оморчился.

сю твою семью!

ню с отцовской и

нку на столе.

разговора нервы

я к себе на ра-

четыренадцать лет,

смотрим: кап. Что

а вкус — соленое.

тебя того... Нехорошо. А с другой стороны: «проказа на всю твою семью»... Тоже обид- но». Верно я мыслил?

Пришел после работы домой. Собралась вся моя родня обедать. Оглядел я ее, свою родню. Народ чистый, незапятнанный. Глаза живые, блестящие. «За что ж их так? — снова ду- маю. — Нет. Не получится. Не дам в обиду».

Судите сами: справа сидит мой удивитель- ный дедушка, филателист. Слева сидит его брат — тоже филателист. Оба — долгожители. Две бабки сидят на углу стола, из одной тарелки едят. Водой не разольешь. Подруги. Папашка с мамашкой сидят, два голубка. Те- ща с тестем — впередсмотрящие нашей науки. Жена-соратница сидит рядом.

Оглядел я свою родню, и закипела во мне обида. Бывает, ведь, верно?

Утром я, как обычно, написал рапортничку и вхожу к начальнику.

— Чего тебе?

— Да вот, рапортничка...

— Долго ты из меня кровь сосать, будешь, бездельник?

— Долго, — отвечаю. — У меня, сами знаете, семья...

— Семья? Чтoб гонконгский грипп на всю твою семью до седьмого колена!

Я повернулся к двери и позвал: «Ребятки!» Вошла в кабинет моя родня. Как орехи — один к одному.

— Это что за процессия? — изумился на- чальник.

— Родня, которую «разрази чума» и так да- лее...

— Ты что, сдурел, дядя? — Начальник огля- дел моих орлов, которые подравнялись. Толь- ко одна подслеповатая бабка Марфа наруша- ла строй.

— Я к тому, — сказал я, — что они не заслу- жили такого к себе отношения. Даже если я сам заслужил, то они нет. Не выйдет. Посмот- рите на них. Они хорошие ребята. Дедушка! — отвлекся я. — Кто ж это рукавом делает? У тебя платок есть!

— Выходит, это и есть твои родственники? Эх, язви их... — Тут начальник осекся.

— Они самые...

— Значит, ты хочешь сказать, что это твои родители и так далее.

— Вот, вот...

— Так, так... Ну ладно. Пусть уйдут. Я поду- маю. — Начальник казался всерьез озабочен- ным.

— Подействовало! — прошептал я и негром- ко приказал родне: — Ступайте, орлики!

— А это что? — спросил начальник.

— Рапортничка! — положил я бумажку на стол и вышел на цыпочках из кабинета вслед за родственниками.

Через пять дней начальник отменил рапорт- нички, а через семь — мою должность. Про- щаясь со мной, он сказал:

— Не могу я. Только хочу тебе деловое за- мечание сделать — вспоминаю твоих. Хоро- шие они у тебя. Жалко их. Согласись: так работать нельзя. Ступай. Да, привет им пере- давай от меня... Так что в гробу я видал и те- бя и твоих... Тыфу ты, извини!

Я вышел из кабинета.

Сейчас служу в другом месте. Отношения с начальством складываются трудно. Но род- ственников своих я все равно в обиду не дам!

А. МОРАЛЕВИЧ

ЛЕОПАРДОВАЯ ЖАБА

Данная часть настоящего фельетона посвящена трамваю. Итак, шел трамвай № 5: Ростокино — Белорусский вокзал. Тут присутствовали старушка, тихая трамвайная жительница, студенты института транспорта, студенты театральных вузов и человек с подушкой (ушел от жены).

Это был веселый трамвай. Смеялись студенты. Колыхалась старушка. Ушел От Жены постепенно тоже отмяк.

Так двигался трамвай через Москву, и веселый водитель, объявляя остановки, говорил, что идет сегодня в кино.

Приятно было ехать в этом трамвае. Где-то в Сибири, в Академгородке, молодые ученые ходили на службу через лес, и от этого производительность труда ученых подскакивала на двенадцать процентов. Лес улучшал настроение, вот и все.

А в Москве не было леса, но ходил трамвай № 5. И тот, кто ехал в нем на работу, будто проходил через лес.

И тут в трамвай залез гражданин. Он сурово прислушивался и хрустел синим всепогодным плащом.

Громя плащом, гражданин растолкал пассажиров и открыл дверь к водителю.

— Почему вы говорите во время движения? — спросил он в упор. — Надо молчать!

— Сам и молчи! — защитил водителя человек с подушкой. — Репей!

— А вы почему везете подушку? Вот из нее торчит пух. Провозить пачкающие предметы запрещено!

И все прикусили языки. А маршрут № 5 сразу стал казаться длинным и скучным.

Гражданин в синем плаще ежедневно слезал на Палике. Напоследок он обводил всех взглядом, и взгляд его говорил: «Смотрите тут, без меня... Распустились!»

На улице он не менялся. Это был нестигаемый праведник-многоборец. Он считал, что весь мир вокруг становится чересчур легкомысленным и веселым.

— Что вы клеите? — на подходе к своему учреждению кричал праведник девушке с

вязанкой афиш. — Нет, я вас спрашиваю: что? Идиоты!

И, придя на службу, он первым делом заносил в книжечку: «Афиши. Изображен русский народный оркестр имени Осипова. Музыканты в смокингах, дирижер во фраке. Где косоворотки и плис шаровар? Щемит сердце».

Он долго не мог успокоиться и кусал папиросу. Он даже ничего не замечал вокруг от злости. Но когда пришел в себя, то увидел в коридоре свежий плакат. На плакате были стихи:

Тебя на лыжах
Зовет местком, пока зима,
Спеши с подругою
С горы на лыжах. Задарма.

Он немедленно посетил профорга.

— Вы видели? — спросил он, тыча пальцем за дверь.

— Видел, — признался профорг, вычищая под ногтем тушь.

— Я про это — «спеши с подругою». Призыв к разложению за счет месткома?

— Роднуля! — сказал профорг. — Идите отсюда к свиньям собачьим! Знаете, как вас зовут? То самое вы и есть.

— Я пойду! — сухо сказал поборник. — Но заметьте: свинья не может быть собачьей. Оскорбление плюс искажение языка — это вам даром не пройдет.

«Что за жизни! — ужасался праведник, грохоча по ступеням в дирекцию. — Куда мы идем? Легкомыслие, смехи и улыбки. Превратили действительность в мюзик-холл Конникова!»

— Но, — выслушал его директор, — по-моему, очень веселые стихи. Так и подмигивают. — Это безыдейно! — закричал многоборец.

— Не знаю, — сказал директор. — Не знаю. Жалуйтесь выше.

«Заговор, — прозрел праведник. — Типичный разговор. Всех выведу на чистую воду».

Всю зиму он подшивал компрометирующие факты. Он растирал руками крупную апельсиновую плешь и вспоминал, вспоминал. Весной он нагрянул с портфелем в редакцию. Он требовал управы на месткомовские стихи, требовал побавить веселья водителю трамвая, искал управы на оркестр имени Осипова (музыканты в смокингах), на оскорбителей языка (не может быть свиньи собачьей, равно как жабы леопардовой).

Еще он жаловался, что люди нахально улыбаются прямо на улице и налицо большая безыдейность. Он жужжал усыпительно и нудно.

— Хотя бы дождик пошел, — приуныли газетчики.

— Влагоддичи сегодня не произойдет, — жестко заметил праведник.

— Так чего вы от нас добиваетесь? — снова спросили газетчики. — Мы водителя ругать не будем. Нам такие симпатичны, кто работу делает весело.

— Значит, покрываете? Тогда я оставляю вам заявление. Вот я памятку себе в книжечку: «Оставлено 20 марта». Знаете, какой срок ответа на письма граждан? Самое большее — месяц! Вот и будьте любезны.

— А зачем вам непременно ответ?

— Жаловаться! Действительно, есть постановление насчет месяца. Не годится мешкать с ответом.

Ответим: Уважаемый гражданин в плаще! Почтенный!

Всесоюзной проверкой установлено, что у вас есть единомышленники. Им тоже претят улыбки и веселые лица. Лица у них, спаси и сохрани, совсем неулыбчивые. Они воспитали на своих лицах кожу, толстую, как на пятке. Никаких усилий не хватит, чтобы растянуть эту кожу улыбкой.

Тщательной проверкой установлено, что праведники суют свой нос во все сферы производства, культуры, быта и оскуняют жизнь слоям населения. Так сказать, блюдут всеобщий духовный пост.

Это люди жесткой закваски. Они норовят переделать жизнь на свой лад.

Борьба предстоит им бо-
лая.

В литературе — запретить фортели подобного рода: «нетоварищески обращался со своими штанами».

В рекламном деле — изъять стихотворные выверты типа:

Все здоровы:
Вы,
мы,
ты,
Если руки
вы-
мы-
ты.

Запретить весенне-летние ночные грозы как нарушающие постановление о тишине.

Навести порядок на Пулковской обсерватории. Научно-исследовательское атеистическое учреждение, а там голуби летают!

Запретить директорам с окладом выше 140 рублей шутки и смехи с подчиненными. Так вот смехи, смехи, а потом падает дисциплина.

И др.

Праведники на ногах. Многоборцы не дремлют. Всякое веселье кажется им непристойным, несolidным, тем более производственное веселье. Многоборцы против того, чтобы жизнь строилась в расчете на человека.

И многоборец обрушивается на все то хорошее, что становится нормой нашей жизни, что помогает жить и сближает людей.

Всем известна миллийская служба ГАИ. Работать ей тяжело: машин и пешеходов становится все больше. Непочтение и наплевизм бьют ее по рукам. Множится число аварий и наездов. Как быть?

Челябинская ГАИ в центре города поместила плакат:

ТОВАРИЩИ!
На этом участке улицы
ПРОИЗОШЛО СЕМЬ
НЕСЧАСТНЫХ СЛУЧАЕВ
С ПЕШЕХОДАМИ.
Постарайся
НЕ БЫТЬ ВОСЬМЫМ!

Это по-настоящему. Это с человеческой интонацией. Человек обращается к человеку. Это проймет! Но взрывается праведник. Что за стиль? Не-стандарт! Вольнодумство! Где деловитость? И вот уже скрежет пера: «Уважаемая редакция. Пишу вам от злости...»

Арк. ИНИН
Л. ОСАДЧУК

О ПОЛЬЗЕ ХОРОШЕГО ВКУСА

Вот одни говорят, что на работе главное — это талант. Другие — что знания. Третьи — усидчивость. А я так скажу: главное в работе — это хороший вкус! Ведь если ты, скажем, твердо знаешь, какой из семи цветов радуги с каким гармонично сочетается, или категорически можешь определить, к каким глазам какой шарфик подойдет, или без колебаний отличаешь, какой чемодан мужской, а какой женский, так тебе в любом трудовом коллективе цены нет!

Тут, конечно, может возникнуть здоровый вопрос. Зачем, к примеру, мне, рядовому бухгалтеру треста «Флодоовощторг», все эти точные знания про радугу и чемоданы? На первый взгляд мне это ни к чему. Но это только на первый взгляд.

Приведу яркий жизненный пример. Конец квартала. В тресте запарка. Вся бухгалтерия костяшками стучит: пальцев не хватает! А я гуляю. То есть не гуляю, конечно, но и на своем рабочем месте не присутствую — выполняю особое задание. Потому что отчет отчетом, план планом, но если день рождения нашего дорогого главного бухгалтера падает на тридцать первое число, так не оставаться же ему без скромного подарка.

А кто может купить соответствующий случаю подарок? У кого самый хороший и выдающийся вкус? Соображаете?

Подходит славная дата — общественность прибегает ко мне.

— Петр Саныч! Петр Саныч! Выручайте!

А я что? Беру день на обдумывание, два — на магазины. Зато уж привезу подарочек — сразу видно: вкус у человека! Сотрудники благодарят, новорожденный главбух слезу роняет...

Нет, вы только не вообразите, что я так для одного руководства выкладываюсь! Коллектив у нас замечательный, сплоченный, у нас общий график заведен цветными карандашами на каждый день рождения каждого сотрудника — от курьера до премьера, что называется.

Теперь посчитаем, что же у меня с рабочим временем получается. (Слава богу, и счета под рукой и считать еще вроде не разучился!) На каждый день рождения каждого из семидесяти шести наших сотрудников кладем по три дня: день на обдумывание, как я уже отмечал, и два — на магазины. Итого двести двадцать восемь рабочих дней. Плюсую два выходных на неделе — итого триста двадцать четыре календарных.

Теперь так: коллектив наш здоровый, и все, чему положено быть в здоровом коллективе, у нас тоже есть. Свадьбы, деторождения, юбилеи, уход на пенсию и прочие подарочные случаи. В общем, откидываем на них оставшиеся сорок один — сорок два календарных — и вот вам моя жизнь-работа.

Неплохо, конечно: и спокойно и уважение тебе с почетом. Некоторые даже завидуют... Но я считаю, напрасно. У меня ведь тоже работка не из легких. Мой вкус, конечно, что называется, на уровне мировых стандартов, но надо же и на чужой нрав угодить, требуется ведь и получателю подарка удовольствие организовать. Вот и приходится головой работать, колебаться, иной раз даже мучиться. Сомнениями.

И потом, хоть конкретно на работе я и отсутствую, а трудиться доводится и сверхурочно. Иной раз до самого закрытия магазинов пробегаешь, а бывает, и от своего законного выходного не один часок урвешь.

Я уж пробовал и отказываться, так весь коллектив в обиду:

— Петр Саныч! Петр Саныч! Не уважаешь ты общественную нагрузку!

Вот и тяну лямку, что называется. Да и кому теперь это дело передоверить? Молодежь, сами знаете, пошла безвкусная...

Правда, три дня в году я все же законно щелкаю костяшками на своем рабочем месте, согласно штатному расписанию. А вот у сотрудников моих эти три дня работа из рук валится: день — на обдумывание, два — на магазины. А чего? Меня ведь тоже мать-природа не обделила. У меня ведь тоже свой законный день рождения в общем графике нашего коллектива имеется!

— Второй год ведем переписку!

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

Игорь МАРТЬЯНОВ

ЛИХА БЕДА — КОНЕЦ!

Глава колхоза заявил
У скотного двора:
— Прошла пора
лопат да вил —
Труд облегчить пора!
Я для дороги подвесной
Опоры вам привез!..
То было раннею весной,
Но там и ныне воз...

Взялось
построить ясли СМУ
Средь разных прочих дел.
Но не хватило сил ему,
И брошен был задел.
И вот стоит за годом год,
На горе матерей,
Тот недостроенный
урод —
Без крыши и дверей...

Пришли монтажники
во двор,
Чтоб дать в квартиры газ,
Канав нарыли
И с тех пор
Не кажут больше глаз...

Читатель, и меня прости,
Что преступил закон,
И это маленькое сти...
Я тоже не закон...

Василий СМЕРНОВ

ВОРОНА НА ЭСТРАДЕ

Был у нее один репертуар:
— Кар-р-р!

ЗНАТОК ГЕОГРАФИИ

— Скажи,
Куда Нева течет!
— Эх, темнота!
В водопровод.

ИМИТАЦИЯ КИПУЧЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Во втором номере «Крокодила» за нынешний год появилась новая рубрика: «Даем консультации». Тогда мы дали несколько первых советов лицам, желающим Имитировать Кипучую Деятельность. Ознакомьтесь теперь с нашими новыми советами по тому же поводу.

Допустим, вы продавщица, и вам очень хочется поговорить по сугубо личному вопросу с подружкой, которая стоит рядом с вами за прилавком. Неужели нужно ждать обеденного перерыва? Не советую. Смело начинайте разговор при покупателях, только примените так называемый язык Эзоп. Заранее условьтесь с подружкой, что вы — это «база», «агент» — Вася Климов, уличенный когда-то в неверности, которому вы по справедливости дали отставку, а «торг» — ваш нынешний возлюбленный Петя Чижинов. И так, начинайте!

— Ты знаешь, Нюра, что я тебе хочу сказать? Вчера агент опять кинул заявку базу.

— Вот нахал! После всего, что случилось? Он же так насолил базе!

— Насолил — не то слово. «А теперь», — говорит он базе, — я, дескать, для вас готов в лепешку расшибиться...

— Ну и что ответила база?

— Она сказала: «Направляйте свои заявки куда хотите. А в моих глазах вы потеряли всякий авторитет».

— И агент отстал от базы?

— Нет, пришлось ей срочно связаться с торгом. Тот амешался, и агент не со лono хлебавши смотался.

Вот и поговорили. Сообщили подруге расправившую вас новость о нахальном визите Васьки и о том, как верный Петя Чижинов ограбил вас от Васькиных домогательств...

А заодно дали понять покупателям, что, находясь за прилавком, вы думаете исключительно о сложных торговых делах. И что занимаетесь в рабочее время посторонними разговорами — просто противно вашей натуре.

столом еще ниже и водите вашей самопиской по бумаге энергичнее прежнего. Начальник осторожно покашляет, чтобы обратить ваше внимание. Но вы ничего не слышите.

Он нетерпеливо пройдет по комнате, но вам его прогулка ни к чему: вы увлечены своим делом.

И только после того, как вышедший из себя начальник рявкнет: «Иванов, вы что, совсем оглохли и ослепли?» — поднимитесь. А потом, проведя вялым жестом руки по лицу, как бы смахивая с него накопившуюся за день усталость, скажите:

— Извините, Петр Кузьмич, не заметил вас. Заработался сегодня до одури...

На носу экзамен по истории философии, и вас для зубрежки посадили в отдельную комнату. Заходить в нее кому-нибудь из домашних строжайше запрещено. Наконец наступило приятное одиночество и возможность заняться чем угодно: отгадыванием кроссворда, чтением последнего детектива, составлением пыльного послания к этой зазнайке Зинке. Но вот дверь осторожно приоткрывается. Будьте начеку: в комнату заглянул проверяющий. Запустите обе руки в волосы и начинайте бубнить:

— Абеляр Пьер, французский теолог и философ. В характерном для средневековой философии споре придерживался близких материализму идей...

Голова проверяющего исчезает. Он докладывает скопившейся на кухне публике:

— Зубрит!

Проходит какое-то время, и опять со скрипом открывается дверь, в ней показывается лицо нового контролера. Снова повторяйте:

— Абеляр Пьер, французский теолог и философ. В характерном для средневековой философии споре и т. д.

Доклад будет такой же благоприятный:

— Зубрит!

И так несколько раз. У многочисленных, но всегда разных проверяющих сложится впечатление, что вы самый усердный зубрила на курсе. К тому же может так случиться, что на экзамене вы вытянете как раз билет об Абеляре Пьере, теологе и философе, который в характерном для средневековой философии споре придерживался и т. д. и т. п.

Знаете ли вы, как натираются паркетные полы? Понятия не имеете? Я тоже. А то дал бы вам исчерпывающую точную консультацию. Но как все-таки быть, если жена однажды скажет:

— У всех мужья как мужья: полочки на кухне делают, мебель реставрируют, белье во дворе развешивают. А ты на что способен? Хоть полы бы натер!

Не возражайте и не ссылайтесь на свое сугубо гуманитарное образование. А просто в очередную субботу встаньте пораньше и начинайте двигать мебель. Чем больший беспорядок вы устроите в квартире, тем лучше.

— Что ты затеял? — спросит жена.

— Хочу навести лоск на твои полы, — отвечайте ей. — И рассчитываю, что сегодня вы не будете мешать мне.

Жена поворчит, но потом соберет детей и уедет с ними к матери в Кузьминки. А вы тем временем звоните учредительскому полотору дяде Федю и просите, чтобы он срочно приехал к вам со всем инструментарием. Такси, разумеется, за ваш счет.

Если дядя Федя постарается, то до возвращения семьи вы успеете не только расставить мебель по местам, но еще и расписать с ним четвертинку «Пшеничной» за благополучное окончание натирки полов.

Вел консультацию заслуженный имитатор КД
М. ГРИГОРЬЕВ.

В. СУХАРЕВИЧ

ПОСТНО В ТОСНО...

Мне подумалось, что начать кулинарную дегустацию лучше всего с примера самого показательного. Вот почему, приехав в Ленинград, я провел среди своих коллег-журналистов небольшой опрос: где кормят наиболее невкусно? Коллеги-знатоки назвали без труда несколько ресторанов и столовых, расположенных в самом Ленинграде, а также в его окрестностях. Но все-таки подавляющее большинство голосов было за столовую в Тосно:

— Обедаете раз, а запомните надолго...

Прикатив в Тосно, я прежде всего обошел магазины этого районного центра. В продаже был широкий набор продуктов. По меньшей мере сотню блюд из этих продуктов взялся бы сделать любой грамотный повар.

И тогда я отправился в столовую. В этом похожем на сарай холодном и неуютном здании было малоллюдно. Я решил не терять времени и заказать сразу четыре блюда из меню: харчо, борщ, рагу из барашка и люля-кебаб.

Тут надо сказать, что в создание этих блюд вложен вековой опыт, и рецепты приготовления их известны каждому, как хо-

вые пословицы. Интересно, какой опыт переняли местные кулинары?

Разумеется, меня прежде всего заинтересовало харчо. Оно было приготовлено из свинины. Это была новинка! Такое до сих пор мне не встречалось. Ведь тот же самый вековой опыт давно научил поваров, что свинина и рис сочетаются плохо... Ладно, посмотрим, что будет дальше. Влез я ложкой в тарелку и дрогнул: да это же просто чуть подогретая вода. Рис и кусочки свинины плавали в полном отчуждении друг от друга. А вкус? Вкус у блюда был чудовищный! Мое бывшее поварское сердце было так потрясено, что я сразу же попросил позвать заведующую производством. Дальнейшая дегустация шла в присутствии Л. Н. Васильевой.

— Почему харчо приготовлено из свинины? Где здесь лук, чеснок, приправы, почему дан, как говорят повара, только намек на томат? И почему оно холодное, это невиданное харчо?

— С подогревом у нас слабо.

— Ладно, перейдем к борщу. Почему вы положили в борщ холодное недоваренное мясо — видите, оно, как куски ластика? А это что? Старый, пожелтевший шпик?

Да знаете ли вы, что таким шпиком, если его истолочь с чесноком, можно запрравить дивный кубанский борщ? А здесь он по вкусу напоминает стеариновую свечу.

— Да разве за всем углядишь?..

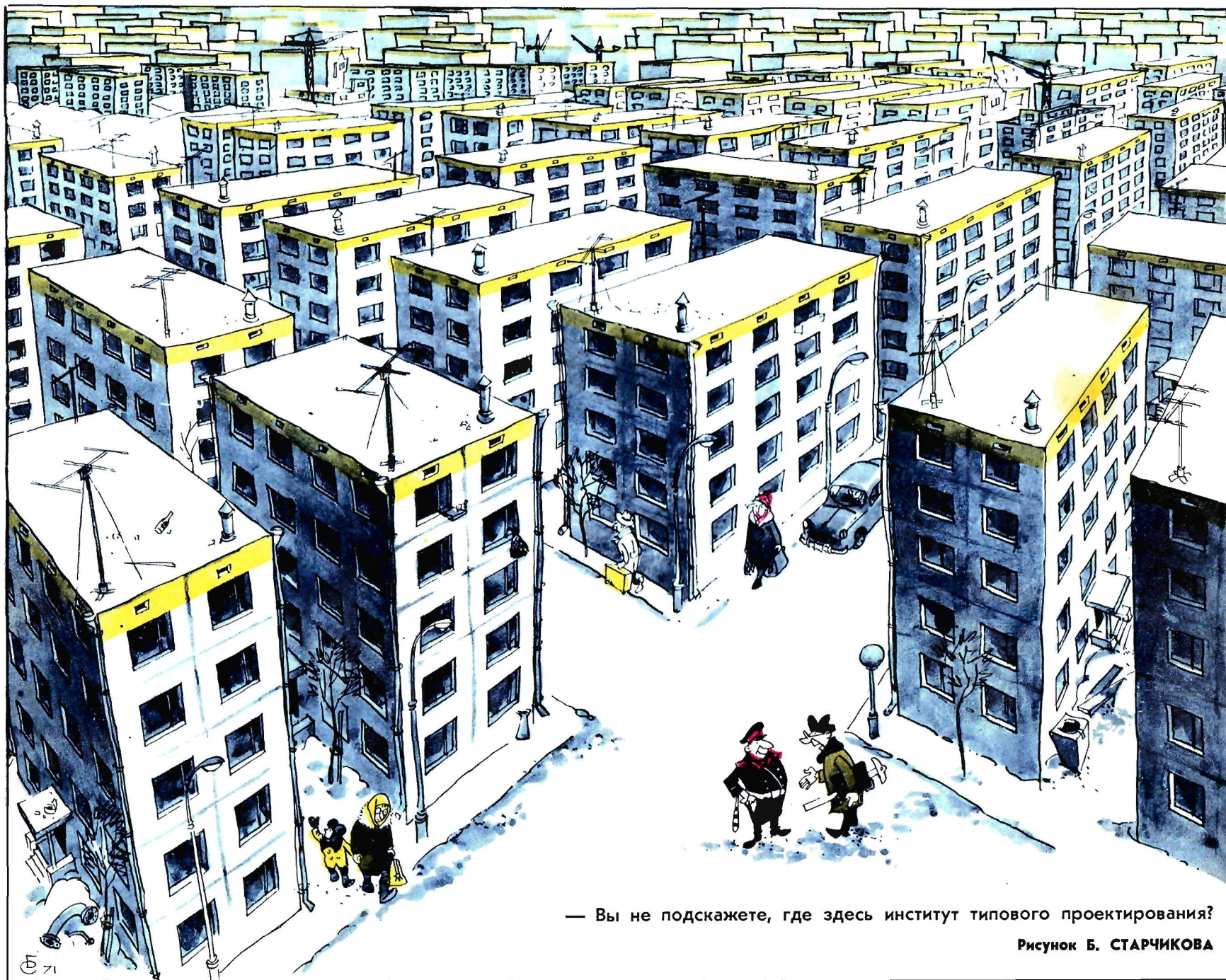
Действительно, за всем углядеть трудно. Не углядели за свеклой в борще — она тверже щепок; не углядели за рагу — это был увесистый кусок баранины с макаронами, однако без малейшей овощинки, а ведь рагу красно прежде всего овощами; не углядели за люля-кебабом, и, может, поэтому он походил на резину... За чем же все-таки успела углядеть Людмила Николаевна?

Я попросил халат и отправился на кухню. И тут я со всей ответственностью могу вас заверить: в этой столовой ничто не может быть вкусно. Потому что здесь трагически губят наилучшие продукты.

На стойке для раздачи стыло мясо для борща. В котле, в жиже кипело рагу без единой дольки овощей. Рядом ответственная за вторые блюда Анастасия Алексеевна Лукина укладывала кебабы на огромный противень, собираясь поставить их в кондитерскую печь...

Из того же векового опыта известно, что люля-кебаб жарится на шампурах над мангалом. И уже профанацией считается, если кебабы жарят в жиру на сковородке. Но печь кебабы?!. Словом, все в этой столовой холодное: супы, кебабы, мясо. Горячи только жалобы посетителей.

Тосно, Ленинградской области.

— Вы не подскажете, где здесь институт типового проектирования?

Рисунок Б. СТАРЧИКОВА

«БЕЛАЯ ВОРОНА»

Тамару Лаптиеву направили на работу заведующей швейной секцией универсального магазина Тамаша, Очамчирского района. Заведующая универсамом Габалия встретила ее с распростертыми объятиями.

— Надеюсь, мы с тобой прекрасно сработаемся! Но Тамара Лаптиева оказалась человеком несговорчивым. Узнав, что многие товары в магазине продаются по завышенной цене, так как заведующий считает, как Картозия без взятки товар не отпускает, она решила обратиться в ОБХСС. Она-то точно так же нарушают правила торговли, но в магазине посылка Тамаша, но и в магазинах поселков Гали и Нижней Эшеры (фельетон Я. Герсама и Р. Киреева «Белая

ворона», «Крокодил» № 22 за прошлый год).

Как сообщил секретарь Абхазского обкома КП Грузии А. Дзадуа, «торговые операции» о которых рассказывалось в фельетоне, подвергнуты критике специально. Заведующий складом оптовой базы А. Картозия осужден Верховным судом Абхазской АССР на 10 лет лишения свободы. № 1 Продавец магазина № 1 Гальского горно Р. Чиквашили за попытку дать взятку сотрудникам «Крокодила» привлечен к уголовной ответственности.

Решением бюро Гальского райкома партии за нарушение правил торговли в системе горно председателю К. Курсуа и заместителю председателя горно В. Кекуа объявлены выговоры с

СОРНЯКИ В БАРХАНАХ

Конструктор А. Г. Домник из города Талгар Алма-Атинской области прислал в редакцию «Крокодила» 11-й (ноябрьский) номер журнала «Простор» за 1970 год. Вниманию читателей привлекла повесть Юрия Волкова «За барханами — Курты».

«Из двенадцати неполных страниц — пишет нам А. Г. Домник, — две трети — сплошная несуславица, а одна треть повествует не о чабанах и геологах, чьим трудом мы всегда гордимся, а о случае в пустыне, который произошёл с самим автором из-за его собственного головоулыбства. Зачем выпускать в свет такую абракадабру? Да еще в журнале «Простор», который авторитетно именуется литературно-художественным и общественно-политическим иллюстрированным журналом Союза писателей Казахстана».

Мы никак не можем согласиться со столь сердитым письмом конструктора из Талгара. Больше того,

мы прочли повесть с живейшим интересом. Она насыщена занимательными событиями и яркими персонажами. Есть тут, например, бывший агроном Кузьма Фомич, который уехал в пустыню, где, на горе семье, пишет десять лет одну и ту же книгу — роман «Космонавторы летят в бездну».

Есть супруга Фомича, гусыноубийца журналист Горев, вынужденный уйти из редакции, «потому что он, оказавшись, кроме искусственного осеменения, ничего не мог описать».

Особенно привлекают в повести женские образы — Марина, Фрося и Вали. Различаются они не только по именам, но и по комплекции, по-скольку бывают товарищески, осанки и фигурными.

Милое женское общество вызывает у героев возвышенные, благородные помыслы. «Женюсь я на этой Марине, — вдруг сказал Павлин и закурил. — Во девка! Амазонка чистая!».

«На морду она, видал? Книгиня!».

«Ух, и затомились же они в этой пустыне, ух, и поспели же! Сох капает! Видал, как обцеловывали меня, а

СКОВАННЫМИ ОДНОЙ ЦЕПЬЮ

оказались трактористы-братья Шибанковы и Поговлов, механик Лапшин, заведующий мастерской Китаинин, секретарь парткома колхоза Душехатов и другие заведующие подразделениями, что в колхозе имени XXIII съезда, Тамалинского района, Пензенской области.

Цепь была прикована к боковой части спиртного. По этой причине в колхозе процветало хулиганство, наблюдались аморальные поступки, наплевательское отношение к работе: пьяные лихачи на колесах колхозной техники (с.А. фельетон Р. Киреева «Скованные одной цепью».

Как сообщил редакция секретарь Пензенского об-

кома КПСС тов. В. Огарев, факты подтвердились. Бюро Тамалинского райкома партии объявило секретарю парткома колхоза Душехатову строгий выговор с занесением в учетную картонку и освобождением его от занимаемой должности.

За порчу водопроводной колонны и стояба линии электропередачи с механизаторов Шибанковых вызваны деньги. Механик Лапшин за появление на работе в нетрезвом состоянии строго наказан.

Бюро обкома КПСС, обшурив фельетон, указало первому секретарю Тамалинского райкома партии тов. А. Овтову на низкий уровень руководства партийным комитетом колхоза и потребовало принять действенные меры для улучшения работы колхозной партийной организации.

УВАЖАЕМАЯ РЕДАКЦИЯ!

В номере 32 за прошлый год опубликована заметка «Дважды левша», о том, что в мужском плаще ценою 52 рубля 50 копеек, выпущенном нашей швейной фабрикой, шиты два левых рукава. Заметка обсуждалась на производственном совещании ИТР фабрики. Разработаны мероприятия и приняты конкретные меры в целях недопущения выпуска недоброкачественной продукции. Однако не можем найти автора заметки тов. Акишкина из гор. Новомосковска для того, чтобы обменять ему плащ. По нашей просьбе администрация Новомосковского горпромторга, уточнив во всех торговых точках, сообщила, что покупатель тов. Акишкин в магазин горпромторга не обращался. Просим помочь в этом вопросе.

Главный инженер Ефремовской швейной фабрики **ДЕРЕВЯНКО**

Уважаемый тов. Деревянко! Охотно вам помогаем. Бывший «дважды левша» тов. Акишкин А. Е. проживает в гор. Новомосковске, по ул. Электровозной, д. 22, кв. 8.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

В редакцию «Крокодила»
УПРАВЛЕНИЕ ГОРНОГО
ОБХСС
Секретарь: **Лаптиев**
Адрес: **Талгар, Алма-Атинская область**
Почтовый ящик: **11**
Телефон: **12-4, 12-77**
В редакцию «Крокодила»
получил письмо от **А. Г. Домника** из **Талгара**, **Алма-Атинской области**.
Письмо получено **12-4, 12-77**
В редакцию «Крокодила»
получил письмо от **А. Г. Домника** из **Талгара**, **Алма-Атинской области**.
Письмо получено **12-4, 12-77**
В редакцию «Крокодила»
получил письмо от **А. Г. Домника** из **Талгара**, **Алма-Атинской области**.
Письмо получено **12-4, 12-77**

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Руководителям главков по производству школьно-письменных принадлежностей, директорам карандашных фабрик.

Уважаемые товарищи! Полагаю, вы разделите мою радость в связи с тем, что Лена Сергеева и другие школьники города Рыбинска получили карандаши. Однако дождитесь до вашего сведения, что жалобы на отсутствие в продаже карандашей я получаю не только из Рыбинска. Цветные карандаши нужны всем — от школьников до взрослых людей, любящих писать или цветистые резолюции.

Направляю вам это мое письмо и прошу снабдить его резолюцией о мерах, которые необходимо предпринять для удовлетворения потребности в карандашах. Если у вас не найдется цветного карандаша, напишите черным по белому. Не буду в претензии.

КРОКОДИЛ

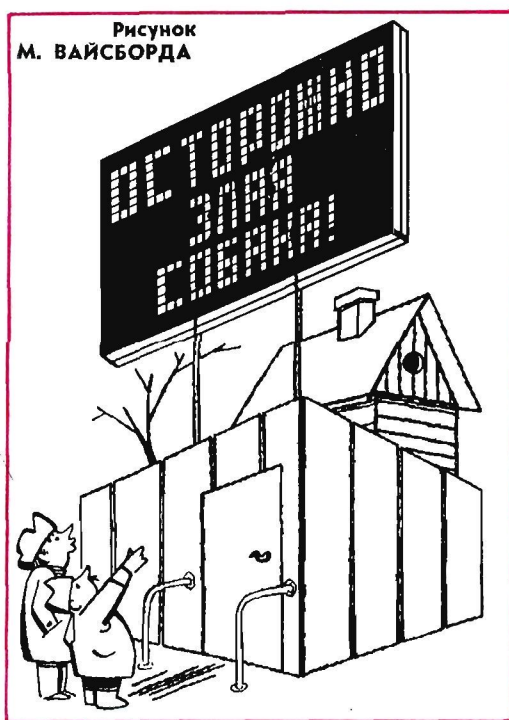

Рисунок В. КАНЕВСКОГО

Рисунок
Е. ШАБЕЛЬНИКА

— А это дача директора стадиона!

Валентин КАТАЕВ

Почему ее так называют?

(Из воспоминаний)

— ...Например, обезьяна. Вслушайтесь! Не правда ли, какое странное слово: о-безь-я-на? Оно как-то не свойственно русскому языку. Обезьяна. Не по-русски. И, главное, трудно понять, откуда оно взялось. Я, конечно, далеко не филолог, но странно. Довольно странно-с.

Юрий Олеся сидел за столиком в «Национале», окруженный своими поклонниками, и произносил очередной монолог. Маленький, с серыми пронзительными глазами, растрепанный, с прекрасным выдающимся подбородком и скульптурным лбом великого мыслителя.

— Вы улавливаете мою мысль? — спросил он.

— Улавливаем, но не вполне, — хором сказали поклонники.

— Отлично. Тогда сделаем филологический экскурс. Как будет обезьяна по-английски? Манки. По-французски — санж. По-немецки — аффе. Ничего общего с русским словом «обезьяна». Однако мне кажется, друзья мои, что я открыл происхождение этого слова. Я совершенно, подчеркиваю, СОВЕРШЕННО, уверен, что оно происходит или, вернее, когда-то произошло от французского слова «обеиссан», что значит по-русски «послушный».

Глаза Олеши вспыхнули.

— Маленький, похожий на человека, послушный зверек! — воскликнул он с пафосом. — Нет, нет, я говорю совершенно серьезно. Для того, чтобы это понять, не надо быть, господа, филологом, а надо иметь хоть немного воображения. У вас есть воображение? — спросил он поклонников.

— Есть, — неуверенно ответили поклонники.

— Прекрасно. Тогда вообразите себе древнюю Москву, часть которой мы видим в окно кафе. Кремлевские башни, бойницы, золотые купола. Вообразите себе дворец царя Алексея Михайловича, и вот в парадные палаты, низко кланяясь, входят в шелковых, атласных или газетовых камзолах заморские гости с подарками. Кто-то из них ведет на серебряной цепочке забавного зверька — карикатуру на человечка, как бы одетого в шубку с енотовой пелеринкой. Зверек скалит зубы и раскланивается на все стороны, жеманно приседая. Русские придворные восхищены, добрый царь Алексей Михайлович благостно улыбается, поглаживая каштановую бороду, однако все как бы несколько опасаются невиданного зверя, боятся к нему приблизиться: не кусается ли? «Господа, не бойтесь, — говорит по-французски поводырь диковинного зверька. — Он добрый. Он не кусается. Его можно погладить. Он послушный. Он ОБЕИССАН».

— Обеиссан! Обеиссан! — весело говорят друг другу придворные бояре и осторожно глядят зверька. Он на самом деле совсем «обеиссан». И вот французское слово «обеиссан» порхает по царским расписным хоромам, переходит из уст в уста, пока французское «обеиссан» не превращается в русское «обезьяна». Он хороший. Он не кусается. Он послушный. Он обезьяна.

— Вы заказывали курицу?

Рисунок С. СПАССКОГО

«Начальнику экспериментальной группы от рабочего Разгудаева Ю. С.

Объяснительная

Я, Разгудаев Ю. С., с 5.XI. по 10.XI. совершил прогул ввиду того, что провожая товарища на поезд, я сам вместе с ним уехал, потому что уснул в вагоне. Приехав туда, мне ничего не оставалось делать, как праздник встречать у него.

Вернувшись обратно 11.XI. вечером, я попал на свадьбу и с 12.XI. по 20.XI. пропавал их.

23.XI. меня вызвали в домоуправление. Освободившись в 9 часов утра, я решил поправить голову, ну и поправил до 25.XI. числа.

Разгудаев».

Копию снял Д. Грубман, г. Пермь.

«Объяснительная

Я, Крыловский Н. Д., опоздал на двадцать минут. Подвел будильник. Уронил кот. Больше этого не будет».

(Из объяснительной записки рабочего завода «Спецмашдеталь»)

Прислала М. Шайдорова, Кемеровская область.

«Вечернее (сменное) профессионально-техническое училище № 3 напоминает предприятиям, что прием заявок на 1971 год производится до 25 декабря. Училище готовит работников с сосудами под давлением...»

(Газета «Советская Латвия»)

КРУГОМ ЛЮБОВЬ...

В КИНОТЕАТРЕ «ПЛАНЕТА»

Сегодня в большом зале «Красота любви»; в малом зале «Сезон любви».

В КИНОТЕАТРЕ «ОРБИТА»

Сегодня — «Город первой любви»; «Возраст любви».

(Газета «Люберецкая правда»)

Радой РАЛИН (Болгария)

ГАМЛЕТОВСКИЕ МУКИ

Быть или не быть? Меня опять
Известный тот вопрос
тревожит.
То ль в жизни откровенным
стать?
То ль лучше быть
тактичным все же?

ЖЕРТВА ИСКУССТВА

Художник тему брал всегда одну:
На всех полотнах рисовал жену.
И все ж не скучно
их смотреть подряд,
Поскольку восемь раз
он был женат.

УЛЫБКИ

Энрике Хардиэл ПОНСЕЛА
(Куба)

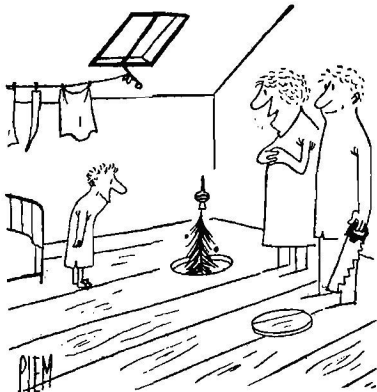
Афоризмы

История и философия имеют
следующее различие: история
рассказывает о вещах, которых
никто не знает, словами, которые
знают все, в то время как фило-
софия повествует о вещах, всем
известных, словами, которых ни-
кто не знает.

Спиритизм был изобретен для
того, чтобы врачи могли бесе-
довать со своими пациентами.

Самопожертвование — чувство,
которое кажется замечательным
у других.

Мужчина размышляет, а жен-
щина дает ему повод для этого.
(Из журнала «Паланте».)

— Эти Рокфеллеры снизу подума-
ли и о нас.
«Фигаро», Франция.

Джанни ФИНЛАНДИЯ (Италия)

НЕ ГОДЕН

Не успел я войти в помещение
призывной комиссии, как какой-
то офицер рявкнул:

— Не считай ворон! Раздевай-
ся! Быстро!

Конечно, я разделся и встал в
хвосте очереди таких же, как я,
голых мужчин. Когда подошла
моя очередь, врач принялся рас-
сматривать мое лицо: возможно,
он изучал мой слегка искривлен-
ный нос или мои близорукие
глаза.

— Астигматик?

— Нет, католик, — ответил я не
колеблясь.

Позади меня раздался смех.

— Ничего смешного! — рявкнул
доктор. — Должно быть, хочешь
получить гауптвахту?

Интересно, что это за штука...

— Вы очень любезны, доктор,
но дома мне некуда ее поставить.
Мы так тесно живем.

Наверное, мой отказ очень оби-
дел его, потому что он вскочил
из-за стола совершенно взбешен-
ный. К счастью, мне приказали
подойти к соседнему столу. Я
повиновался. Мне начали задавать
вопросы:

— Умеете читать и писать?

— Что за вопрос!

Удар по столу.

— Никаких «что за вопрос»!

Отвечайте: да или нет?

— Да или нет, — ответил я, ре-
шив в дальнейшем выполнять
все, что мне ни скажут.

— А теперь я буду говорить те-
бе разные слова, а ты мне слова,
противоположные по значению.
Понял?

— Понял, — ответил я.

— Итак, начнем. Горячий.

— Холодный.

— Белый.

— Черный.

— Хорошо, иди.

— Плохо, стой.

— Абсолютно негоден!

— Годен частично.

— Вон отсюда!

— Подойди ближе.

— Довольно!

— Продолжай.

— Идиот!

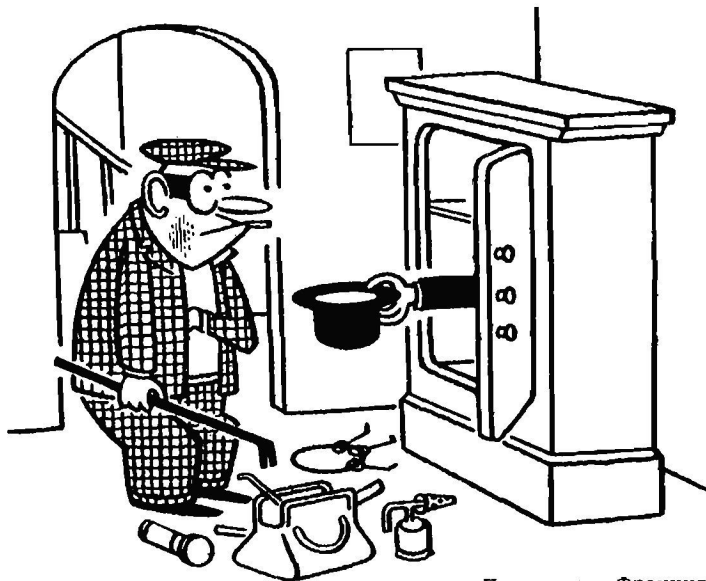
— Умный.

— Уведите же его отсюда раз и
навсегда!

И пока я искал в памяти выра-
жение, противоположное этому,
два солдата схватили меня за ру-
ки и вывели в раздевалку.

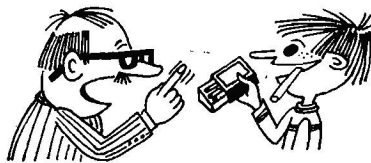
Из окошка мне протянули спра-
вку. Я был поражен. Справка гла-
сила: «Полное освобождение от
воинской службы. Абсолютно не-
годен. Статья 17, пункт В. Умст-
венная неполноценность».

РАЗНЫХ ШИРОТ

«Пари-матч», Франция.

ОТЕЦ. Ты забыл, что я запретил
тебе играть со спичками?
СЫН. Я и не играю. Я хочу при-
курить.

— Мне нравится ваша дочь,
сэр. Как бы видеться с ней поча-
ще?
— Одолжите мне три фунта, то-
гда сможете приходиться за ними
целый год.

— В своей врачебной деятель-
ности я только однажды допустил
ошибку.
— Какую же?
— Вылечил миллионера за два
визита, не зная, что он милли-
онер.

— На что ты обычно споришь
с женой, Джон?
— Преимущественно на поце-
луй, но иногда мы повышаем ста-
вку до одного пенса.

— Можно ли доверять тайну
Мюллеру?
— Вполне! Пять лет назад ему
повысили зарплату, а его жена и
сейчас еще не знает об этом.

На бывшем необитаемом острове.
«Пари-матч», Франция.

КРОКОДИЛ

№ 4 (1979)

ИЗДАЕТСЯ
С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

журнал
выходит
три раза
в месяц

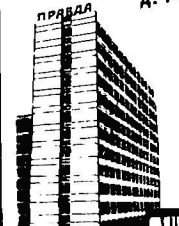
Темы рисунков этого номера
придумали Д. Агаев, М. Бай-
сборд, А. Грунин, В. Канев-
ский, Г. Коровкин, Н. Коря-
гин, И. Норинский, В. Са-
фонов, Н. Станиславский,
Ю. Степанов, Е. Шабель-
ник.

НАШ АДРЕС

МОСКВА А-15 ГСП

БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД

Д.14

ТЕЛЕФОНЫ:

250-10-86

253-34-37

Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

Редакционная коллегия:

М. Э. ВІЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)

Б. А. ЕГОРОВ
Б. Е. ЕФИМОВ
В. Д. НАДЕИН
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМІРНОВ
А. А. СУКОЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
Н. И. ШТАНЬКО
Е. А. ШУКАЕВ
(художественный редактор)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

Технический редактор
А. В. КОТЕЛЬНИКОВА

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 1/II 1971 г.
А 00517. Подписано к печа-
ти 9/II 1971 г. Формат бу-
маги 70×108%. Объем
2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-
изд. л. Тираж 5 000 000 экз.
(5 завод: 4 679 401—5 000 000)
Заказ № 1294
Фотоформы изготовлены в
ордена Ленина типографии
газеты «Правда» имени
В. И. Ленина, Москва, А-47,
ул. Правды, 24. Отпечатано
в типографии «Уральский
рабочий», г. Свердловск,
проспект Ленина, 49.

